

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Савельев Виктор Сергеевич

Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный консультант:

Ремнёва Марина Леонтьевна, доктор
филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Кобозева Ирина Михайловна, доктор
филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры
теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета

Новак Мария Олеговна, доктор
филологических наук, доцент, ФГБУН
«Институт русского языка им. В.В.
Виноградова Российской академии наук»,
ведущий научный сотрудник Отдела
лингвистического источниковедения и
истории русского литературного языка

Шмелева Татьяна Викторовна, доктор
филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого», профессор
кафедры журналистики Гуманитарного
института

Защита диссертации состоится «12» мая 2021 г. в ____ час. ____ мин. на заседании
диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й
учебный корпус, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru.

Диссертация находится на хранении в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ
имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27). Со сведениями о регистрации участия
в защите в удаленном интерактивном режиме и с диссертацией в электронном виде также
можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/352682905/>.

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

О.В. Дедова

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена исследованию изображения устной коммуникации в письменном источнике – первой древнерусской летописи «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ).

Основной проблемой, осложняющей исследования в данной области, является то, что сведения о речи древнерусских коммуникантов историк языка может почерпнуть исключительно из письменных источников. Вне всяких сомнений, изображаемая в письменном тексте речь персонажей не тождественна живой устной речи, однако ее изучение необходимо: летописный диалог реализует представление летописца об устной коммуникации, и корректная «реконструкция» этого представления может в значительной степени приблизить исследователя к установлению структурных особенностей древнерусской коммуникации¹.

Актуальность исследования. Несмотря на то что изучение различных форм речевой деятельности коммуникантов является необходимой и неотъемлемой частью изучения истории русского литературного языка в целом, в этой области научного знания существует множество пробелов. В то же время использование ранее не применявшихся при изучении древнерусских текстов современных методов лингвистических исследований, – связанных с такими направлениями, как теория речевых актов, теория коммуникации, коммуникативная грамматика, диалоговедение, теория речевых жанров, генристика, – позволит, на наш взгляд, выявить новые сведения об изображаемой в летописном тексте речи персонажей.

Объектом исследования служат *непереводные диалогические фрагменты*², включающие *реплики* персонажей, посредством которых изображается их речь, а также

¹ ПВЛ представляет собой текст, при составлении которого использовались различные источники, а само его «складывание» происходило на протяжении нескольких веков и связано с деятельностью различных авторов и редакторов. Установление источников, определение авторов и редакторов ПВЛ, а также их вклада в создание текста, соотнесение редакций ПВЛ и создание стемм являются актуальными задачами для исследователей летописи в различных сферах гуманитарного знания начиная с работ В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера. Существенно, что при этом ПВЛ воспринимается именно как *текст* – речевое произведение, обладающее связностью и законченностью. Таким образом, говоря о *представлении летописца об устной коммуникации*, мы имеем в виду информацию, которая выводится на основе анализа единого целостного текста, объективно существующего как составная часть Ипатьевского списка Ипатьевской летописи первой трети XV века, при этом речь идет не о персонифицированном авторе: особенности реализации категории авторства в древнерусской письменности позволяют говорить об «общем» представлении об устной коммуникации авторов и редакторов ПВЛ, реализуемом в тексте, имеющем сложную историю возникновения (см. подробнее п. 3 Введения диссертации).

² *Диалогический фрагмент* – часть текста, включающая реплики коммуникантов и рамочную конструкцию и представляющая собой «относительно автономную по структуре и смыслу единицу текста, которая обладает определенной связностью и целостностью» (Изотова Н.В. Диалогические структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2006. С. 4).

Рамочная конструкция представляет собой авторский комментарий, обычно состоящий из трех частей – введения (упоминаются различные составляющие коммуникативного события – коммуниканты, время и место диалога, причины и цели коммуникации и т.п.), ремарок (комментируется отдельная реплика с учетом ее отношения к другим репликам) и заключения (описывается перлокутивный эффект).

Принципы отнесения диалогических фрагментов к непереводным описаны в п. 3 Введения диссертации.

рамочные конструкции, содержащие авторский комментарий этих реплик. Также в ряде случаев объектом исследования являются *нарративные фрагменты*: они привлекаются к сопоставительному анализу для установления характерных признаков диалогических фрагментов.

Предметом исследования является *коммуникативное событие*³, представление о котором реализуется в летописном тексте, воспроизводящем элементы его структуры.

Целью исследования является установление способов передачи речи персонажей в древнерусском письменном тексте, определение представления летописца об устной коммуникации и выявление структурных особенностей изображаемой в ПВЛ речи персонажей.

В связи с этим были определены **задачи исследования**:

1. Анализ диалогических фрагментов ПВЛ позволит установить возможность изучения устной речевой деятельности на материале древнерусского письменного текста. В частности, задачей исследования является определение: а) признаков, свидетельствующих о нетождественности живой устной речи и ее изображения в письменном тексте; б) признаков, характеризующих прямую речь персонажей как отражающую типологические особенности устной коммуникации.

2. Анализ диалогических фрагментов ПВЛ позволит установить характерные особенности структуры диалогических фрагментов летописи. При этом сопоставительный анализ нарратива и прямой речи ПВЛ позволит определить, какие признаки, с точки зрения книжника, изображающего речь персонажей в письменном тексте, маркируют ее как результат устной речевой деятельности.

3. Анализ диалогических фрагментов ПВЛ позволит установить, какие представления о структуре коммуникативного события имел изображающий речь летописных персонажей древнерусский книжник.

4. Изучение летописных диалогов позволит установить их сегментные единицы, описать функции коммуникативных единиц, установить сходства и различия древнерусского и современного дискурса.

5. Одной из основных задач работы является определение принципов описания коммуникативной структуры *летописного высказывания* (изображаемого в диалогическом фрагменте средствами прямой речи высказывания летописного персонажа) и последующий анализ диалогических фрагментов с целью установления характерных особенностей коммуникативной структуры приводимых в них высказываний.

³ *Коммуникативное событие* представляет собой «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» (Борисова И.Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. М., 2005. С. 13).

6. Сопоставительное изучение летописных диалогов позволит установить сферы социально значимой речевой деятельности персонажей и выявить общие принципы древнерусской коммуникации (нормы коммуникативного поведения в зависимости от типа коммуникативного события) в тех ее сферах, которые описаны в летописи.

7. Изучение речевой деятельности персонажей, отраженной летописными диалогами, позволит установить некоторые модели древнерусского речевого поведения.

8. Сопоставление речевой деятельности персонажей, по-разному ведущих себя в сходных речевых ситуациях, в соотнесении с оценкой летописца той или иной модели речевого поведения позволит определить ценностные ориентиры древнерусского книжника в коммуникативной сфере деятельности человека.

9. Изучение диалогов летописных персонажей, воплощающих разные субъекты сознания, будет способствовать установлению общих и частных признаков, характеризующих древнерусскую ментальность.

Материалом исследования служит текст «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи. Время создания ПВЛ относят к началу XII в., Ипатьевскую летопись (в составе которой обнаруживается третья редакция ПВЛ) – к концу XIII – началу XIV в., а Ипатьевский список (наиболее ранний список Ипатьевской летописи) – к началу XV в.⁴ Материал исследовался по изданию «Полного собрания русских летописей» 1908 года. В случае необходимости анализа вариативных чтений мы обращались к изданию Лаврентьевской летописи 1926 года. Необходимость исследования ПВЛ именно по Ипатьевской летописи связано с тем, что в Ипатьевской летописи заключительная часть ПВЛ содержит несколько важных статей, включающих прямую речь и не обнаруживаемых при этом в Лаврентьевской летописи⁵.

В качестве основного в работе использован **описательный метод исследования** (проводились *наблюдение*, в процессе которого выделялись единицы описания, устанавливались их свойства и характеристики; *обобщение*, связанное с выделением определенных категорий на основе анализа единиц описания; *интерпретация* фактического материала, полученного в результате исследования) и различные его **методики** – *дистрибутивный анализ, дифференциальный анализ и дискурсивный анализ*. Производилось соотнесение данных, полученных в результате анализа материала исследования, и имеющихся данных современной русистики, в связи с чем привлекались

⁴ См. Лихачева О.П. Летопись Ипатьевская // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1985. Т. XXXIX. Древнерусские летописи и хроники. Л., 1985. С. 123, 124; Творогов О.В. Повесть временных лет // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды Отдела древнерусской литературы. 1985. Т. XXXIX. Древнерусские летописи и хроники. Л., 1985. С. 156.

⁵ Подробная характеристика материала исследования составляет содержание п. 4 Введения диссертации.

методики **сравнительно-исторического метода** и **сравнительно-сопоставительного метода** исследования. В некоторых разделах исследования использовался **количественный метод** изучения языка (главы 4 и 6).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые с применением современных методов лингвистических исследований осуществлено описание структурных особенностей древнерусской устной коммуникации на основе анализа диалогических фрагментов, включающих как изображение устной речевой деятельности древнерусских коммуникантов средствами прямой речи, так и ее авторский комментарий в рамочных конструкциях.

Теоретическая значимость работы состоит:

1) в определении структуры и категориальных признаков изучаемых объектов (особенности структуры летописных диалогических фрагментов и коммуникативных событий, особенности коммуникативной структуры летописных высказываний, функциональная парадигма используемых в них обращений),

2) во введении в научный оборот ряда новых понятий (финитно-причастная конструкция, иллокутивная полифункциональность, иллокутивная рамка, коммуникативно выделяемый компонент, непрямая молитва),

3) в создании типологических классификаций изучаемых объектов (классификация иллокутивно полифункциональных высказываний, классификация косвенных речевых актов),

4) в установлении генетической связи между историческими и современными явлениями, имеющими отношение к устной коммуникации.

Практическая ценность диссертации. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах, связанных с преподаванием истории русского языка, современного русского языка, лингвистической семантики, теории коммуникации, коммуникативной грамматики, диалоговедения, теории речевых жанров и генристики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Прямая речь летописных персонажей, не будучи тождественной устной речи, тем не менее является ценным источником ее изучения, о чем свидетельствует ряд признаков, характеризующих прямую речь как точно отражающую типологические особенности устной коммуникации (конструктивные особенности, связанные с режимами диалоговедения; способы реализации закона экономии речевых усилий; изображение средств звучащей речи; дистрибуция глагольных форм; дистрибуция дейктических средств; синтаксическая организация изображаемых высказываний).

2. Диалогические фрагменты ПВЛ являют собой результат письменной речевой деятельности автора текста, который воплощает в них свое представление об устной

коммуникации и структуре коммуникативного события, реализуя это представление в репликах персонажей, изображающих их речь, и в собственных комментариях в рамочных конструкциях.

3. Применение приемов современного коммуникативного анализа позволяет установить, что диалогические фрагменты ПВЛ содержат детальное описание различных аспектов коммуникативного события (информация о составляющих экстралингвистической ситуации, компонентах этапа говорения и этапа восприятия, ответных реакциях, изменениях во внеязыковой действительности, связанных с коммуникативным событием).

4. Представленное в диалогических фрагментах коммуникативное событие воспринимается летописцем как дискретный объект, в составе которого выделяются сегментные единицы различной структуры. Описание некоторых из них (высказывания, обладающие пропозитивным содержанием; косвенные речевые акты; обращения) позволяет установить их типы и функции. Отличительной чертой рассмотренных единиц является их частая полифункциональность – использование в нескольких функциях одновременно, – отражающая действие закона экономии речевых усилий.

5. Летописное высказывание в большинстве случаев представляет собой дискретную структуру, которая может быть сегментирована на коммуникативные составляющие (тему и ремю) и входящие в их состав коммуникативно выделяемые компоненты. Средства сегментации летописного высказывания в большинстве случаев совпадают с тем, что обнаруживается в современном русском языке, однако установлены также и признаки, свойственные исключительно коммуникативной структуре летописного высказывания – как в наборе средств, так и в их функционировании. Типологической особенностью летописных высказываний является использование в них фразовых энклитик, отражающее следование нормам их расположения в соответствии с законом Вакернагеля, Правилем Рангов и Правилем Барьера. Удалось установить, что следование этим нормам напрямую связано с организацией коммуникативной структуры высказывания и объясняется коммуникативными целеустановками говорящего.

6. Внимание летописца к речевой деятельности персонажей связано с дидактичностью ПВЛ: автор преследует цель «научить» потенциального читателя (слушателя) – князя, показав ему модели «правильного» vs. «неправильного» поведения, в т.ч. речевого. В связи с этим описание речевой деятельности персонажей содержит авторские оценки – эксплицитные и имплицитные, при этом их объектом являются отдельные характеристики говорящего (например, требование быть проницательным), речевое поведение в типовых коммуникативных ситуациях, речевой портрет исторического деятеля в целом.

7. Объектом внимания летописца является социально значимая деятельность персонажей, в связи с чем в ПВЛ регулярно изображаются вполне определенные речевые жанры, что делает возможным установление их основных характеристик – как речевых, так и поведенческих (в работе рассмотрен речевой жанр *молитва*).

8. Соотнесение полученных данных со сведениями об особенностях современной устной коммуникации показало, что последняя имеет традиционный характер: большинство ее характерных признаков обнаруживается и в летописном тексте. Главными из них являются: эгоцентричность устной речи (проявляется в дистрибуции глагольных форм, грамматических и лексических дейктиков, использовании нулевых знаков), следование закону экономии речевых усилий (проявляется в эллипсисе, полифункциональности единиц, семантике косвенных речевых актов и др.), отсутствие параллелизма информационной, синтаксической и коммуникативной структур, организация коммуникативной структуры диалога и составляющих его сегментных единиц (в частности, коммуникативная выделенность начальной части летописного и современного высказывания).

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 32 научные работы общим объемом 42 п.л., в том числе 22 публикации (объемом 21 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова; сделано 12 докладов на международных и всероссийских научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и чтениях: II, III, IV, V и VI Международные конгрессы исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2004, 2007, 2010, 2014 и 2019 годы), III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2016 год), Международная научная конференция «Язык и общество» (Российский государственный социальный университет, Москва, 2006 год), Ломоносовские чтения (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2009 год), XL и XLVII Виноградовские чтения (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2009 и 2016 годы), научная конференция «Повесть временных лет: поэтика и история текста» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 2013 год); научная конференция «50 лет научной школе Г.А. Золотовой» (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 2017 год).

Основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, 6 глав, Заключения и списка литературы (629 наименований). Объем работы – 659 страниц. В диссертации проанализировано 323 непереводных диалогических фрагмента, приведено в общей сложности 1495 примеров.

Во **Введении** определяются актуальность, объект, предмет, цель, задачи, материал, методы, научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность исследования. Отдельные разделы Введения посвящены основным проблемам лингвистического изучения ПВЛ (в том числе особенностям изображения в письменном тексте устной коммуникации), объекту исследования (описываются принципы отнесения диалогических фрагментов к непереводам) и материалу исследования (описывается история изучения и издания редакций ПВЛ). Также во Введение включен раздел, в котором даются определения и пояснения к терминам и сокращениям, используемым в работе.

В **первой главе** «Лингвистическое изучение прямой речи в "Повести временных лет"» представлен обзор научных работ, в которых в той или иной мере затрагивается проблематика диссертации (рассматриваются исследования М.И. Сухомлинова, Д.Н. Кудрявского, Е.С. Истриной, Е.Ф. Карского, Д.С. Лихачева, Т.П. Ломтева, Л.П. Якубинского, Л.А. Булаховского, В.И. Борковского, П.С. Кузнецова, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, И.С. Улуханова, Е.С. Отина, В.В. Колесова, В.М. Живова, А.А. Зализняка, А.А. Гиппиуса, П.В. Петрухина, А.В. Сахаровой, А.М. Введенского, Д.В. Аникина, М.Н. Шевелевой, Е.А. Власовой). В частности, удается выявить существование определенной тенденции в изучении ПВЛ: анализируя летописный материал, историки языка все чаще обращаются к методам лингвистического исследования, применяемым в современности. Параметры, характеризующие разные научные парадигмы – семантические, дискурсивные, прагматические, коммуникативистские, когнитивные, жанроведческие, психолингвистические, социолингвистические, – переносятся в область изучения древних текстов и оказываются не просто вполне применимыми по отношению к этому материалу, но и дающими весомые результаты.

Во **второй главе** «Об изучении прямой речи на материале "Повести временных лет"» устанавливаются признаки, свидетельствующие о невозможности отождествления изображаемой в ПВЛ речи персонажей и реальной устной речи носителей языка: с одной стороны, в летопись включаются только те диалогические фрагменты, в которых описываются значимые с точки зрения жанровой принадлежности летописи коммуникативные события; с другой – изображение устной речи в письменном тексте неизбежно связано с ее трансформацией.

В частности, отмечается, что летописной прямой речи свойственны следующие особенности, объясняемые ее письменным происхождением:

1. Сценичность, проявляющаяся в особом отборе «речевого материала» (в летопись включаются социально значимые реплики).

2. Передача иностранной речи (даже между собой летописные «иностранцы» – греки, хазары, половцы и др. – говорят на том же языке, что и «русские» князья, воеводы, дружинники и т.д.).

3. Передача внутренней речи (регулярно передаются «помыслы» персонажа, который при этом не «озвучивает» их при общении с кем-либо).

4. Фикциональность (в большинстве случаев не указываются источники информации: как и в художественном нарративе, летописный эгзегетический повествователь «имеет право» на всезнание).

5. Правильность изображаемой речи персонажей (отсутствие разрывов, перебивов, самоперебивов, оговорок, речевых ошибок, заполнителей хезитационных пауз, свойственных реальной устной речи).

6. Особенности фонетического, лексического и морфологического строя прямой речи (в репликах персонажей обнаруживается одновременное использование средств, определяемых исследователями как «книжные» и «некнижные»).

В то же время прямая речь летописных персонажей отражает целый ряд признаков, которые свойственны реальной устной коммуникации – причиной их появления в письменном тексте служит то, что летописец изображает именно *устную речевую деятельность* своих героев:

1. В ПВЛ обнаруживаются реплики, особенности структуры которых объясняются их принадлежностью реплицирующему или нарративному режиму диалоговедения. При этом намного чаще в летописи приводятся реплики, которые отражают особенности реализации диалога в реплицирующем режиме. Дело в том, что речевая деятельность героев ПВЛ чаще всего связана со стремлением к изменению положения дел во внеязыковой действительности, а потому в летописи преобладают информативные и прескриптивные диалоги.

2. Реализация закона экономии речевых усилий в прямой речи героев ПВЛ связана с эллипсисом высказываний (что свойственно устной речи), а не с компрессией текста за счет использования синтаксических диатез (что свойственно письменной речи). Характерно, что наиболее часто эллипсис обнаруживается в реактивных репликах, как это и бывает в реальной устной коммуникации. При этом эллипсису подвергаются те члены предложения, которые, будь они произнесены, попали бы в тему высказывания:

<1> Зѣдѣмаѡше же полѡне и вѣаша ѿ дымѣ мечѣ. И несоша козарѣ кѣ кнѣзю своему и кѣ старѣишинамъ своимъ и рѣша имѣ: (1) «Се налѣзохомъ дань новѣ» (субъект не эксплицирован лексически; субъектное значение выражено глагольной формой). Они же рѣша имѣ: (2) «Откѣдѣ?» (не эксплицированы субъект, предикат и объект) Они же рѣша имѣ: (3) «В лѣсѣхъ на горахъ, надѣ рѣкою Днѣпрскою» (не эксплицированы субъект, предикат и объект). Они же

ркоша: (4) «Что сѣть вдалѣ?» (не эксплицированы субъект и адресат) (5) Они же показаша мечь (информация представлена невербально)⁶.

3. В летописной прямой речи обнаруживаются омонимы и рифмы – средства звучащей речи, используемые персонажами ПВЛ для реализации определенных рече-поведенческих тактик (см., например, использование омонимов в речи кн. Ольги в <31>).

4. В прямой речи ПВЛ обнаруживаются афоризмы, с помощью которых реализуется когнитивная функция языка в устной речи (эти предложения должны обладать такой формой, которая способствует их запоминанию и «хранению» в памяти, в связи с чем в качестве афоризмов используются ритмизованные и/или рифмованные высказывания).

5. В прямой речи ПВЛ обнаруживаются парадоксальные суждения, отражающие установку летописца на рассказ о необычном: в реальной устной коммуникации стремление вызвать интерес собеседника к своей речи, удивив его, является одной из главных целеустановок.

6. Сопоставление **дистрибуции глагольных форм** в диалогических и нарративных фрагментах ПВЛ позволило установить, что особенности их использования в летописной прямой речи объясняются реализацией целеустановок коммуниканта, осуществляющего именно *устную* речевую деятельность. В частности, этим объясняется а) более частое, чем в нарративных фрагментах, использование форм настоящего и будущего времени, перфекта, а также императива и сослагательного наклонения, б) преимущественное использование глагольных форм для выражения дейктических значений, в) относительно редкое использование специализированных показателей таксисных отношений, г) особенности использования средств выражения субъектных значений (в частности, намного более частая персонализация высказываний, образующих прямую речь).

⁶ Приводимые здесь и далее примеры не исчерпывают весь иллюстративный материал, приводимый в тексте диссертации; в автореферат включаются примеры и комментарии к ним, необходимые для иллюстрации излагаемых общих положений и выводов.

Примеры и комментарии к ним приводятся с отступом и интервалами, отделяющими их от основного текста автореферата.

Номера примеров указываются в угловых скобках непосредственно перед примерами.

В некоторых случаях перед примерами или группами примеров помещаются пояснительные подзаголовки.

Примеры приводятся по изданию, подготовленному А.А. Шахматовым (Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. СПб., 1908), при этом в разбивке текста на слова мы в основном следовали упомянутому изданию. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в ПВЛ, использовались данные академического издания, подготовленного Д.С. Лихачевым (Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. Подготовка текста Д.С. Лихачева. Перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950), а также изданий, подготовленных С.А. Бугославским (Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М., 2006) и О.В. Твороговым (Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI – XII века. СПб., 2000).

В скобках после примера – при наличии в ПВЛ – указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова).

7. Сопоставление прямой речи и нарративных фрагментов показывает, что в них реализуются различные **стратегии речевой деятельности**: в прямой речи основным средством выражения субъектных, пространственных и временных значений являются **дейктики**, в то время как в нарративных фрагментах преобладают **номинативные и анафорические средства** (исключением служат нарративные фрагменты с диегетическим повествователем, каждый из которых представляет собой своеобразный «текст в тексте»: речь идет о жанровых формах «договор», «мемуары», «молитва», «похвальное слово», «проповедь»).

Употребление в летописной прямой речи **грамматических и лексических дейктиков** отражает особенности организации **устной формы коммуникации**: точкой отсчета в системе коммуникативных координат является каноническая ситуация общения, о чем свидетельствует, например, использование дейктических «нулевых знаков» (отсутствие в летописной прямой речи формальной выраженности требует «выведения» имплицатур, связанных с пространством и временем летописного говорящего). Эгоцентричность изображаемых летописцем высказываний проявляется и в том, что при включении в прямую речь цитат причиной их трансформации чаще всего является необходимость сообразовать субъектную перспективу «чужого» слова со своей речью:

<2> ПВЛ: Вна же <...> р'е ємѹ: «Лю^ає мон погани и снѣ мон, да вы ма Бѣ съблѹтъ ѿ всѣа кого зла» (6463 / 955).

Пс. СХХ, 7: з. Гдѣ сохранитъ тѣ ѿ всѣакоу зла, сохранитъ душѣ твоѣ гдѣ: (Елизаветинская Библия⁷), з. Гѣ съхранитъ тѣа ото всего зѣла: Съхранитъ душѣ твоѣ гѣ: (Синайская псалтирь⁸).

Объект пропозиции в источнике совпадает с адресатом речевого действия, в летописной реплике он отождествляется с говорящим, в связи с чем происходит замена **тѣа** > **ма**;

<3> ПВЛ: Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже оуби^{ша} Бориса, и въздѣвъ рѹцѣ на нѣо, и р'е: «Кровь брата моего вопиетъ къ тебѣ, **Вл^ако!** <...>» (6527 / 1019).

Быт. IV, 10: і. И рече гдѣ: что сотвориша єси єі; глазѣ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ ѿ земли: (Елизаветинская Библия), і. И р'е Гѣ Бѣ: «что еси створиша?! ∴ гла крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ ѿ земли ∴ (паримейный текст⁹), і. и р'е Бѣ что створиша єси се. гла крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ ѿ земли (четий текст¹⁰).

При цитировании происходит сокращение текста и изменение субъектной перспективы (слова Господа в ПВЛ приводятся как прямая речь героя, обращающегося к Господу, в связи с чем дейктики 1 и 2 лица меняются местами (**твоего** > **моего**, **къ мнѣ** > **къ тебѣ**) и появляется обращение **Вл^ако**);

⁷ Елизаветинская Библия // Электронный ресурс <http://azbyka.ru/biblio/> / дата обращения 17.11.2020.

⁸ Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов // Памятники старославянского языка. Том IV. Петроград, 1922. С. 168.

⁹ Брандт Р.Ф. Григоровичев паримейник в сличении с другими паримейниками. Выпуск второй // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1894. Книга 3 (170). М., 1894. С. 141, 142.

¹⁰ Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 1. Главы 1-12. Варшава, 1900. С. 23, 24.

<4> Бѣ же терпѣше, и еще бо не скончались вѣху грѣси ихъ и безаконїе ихъ. Тѣмже и глаху: «(1) Гдѣ есть Бѣ ихъ? (2) Да поможетъ имъ и избавитъ ѿ насъ!» (6604 / 1096).

Реплика половцев восходит к двум источникам: (1) – Пс. СХІІІ, 10 (или Пс. LXXVIII, 10, или Иоиш. II, 17), (2) – Пс. XXXVI, 40: м. ѿ помѡжетъ ѿмъ гдѣ ѿ избавитъ ѿхъ, ѿ ѿзметъ ѿхъ ѿ грѣшникъ ѿ спѣетъ ѿхъ, ѿкѡ оупѡваша на него (Елизаветинская Библия), м. И поможетъ имъ Господь, и избавитъ ихъ ѿ грѣшникъ, и спасетъ ихъ: ѿкѡ оупѡваша на Него (Симоновская псалтирь¹¹), м. ѿ поможетъ ѿмъ гдѣ: ѿ избавитъ ѿ: ѿ изъметъ ѿ отъ грѣшникъ: ѿ спетъ ѿ ѿ коже оупѡваша на нь: (Синайская псалтирь¹²).

Часть (1) полностью тождественна источнику, в части (2) меняется субъектная перспектива (объект пропозиции становится субъектом речи и субъектом пропозиции: (избавитъ) ѿ грѣшникъ > ѿ насъ) и формы глаголов (помѡжетъ ѿ ѿзавитъ > да поможетъ и избавитъ). При этом субъектная перспектива (2) оказывается аналогичной той, что обнаруживается в (1), тем самым обеспечивая целостность реплики как семантически, так и формально.

Еще одной особенностью использования в летописной прямой речи дейктиков является то, что оно отражает генетическую связь пространственных и временных категорий в сознании говорящего: одни и те же средства способны выражать значения пространственные и временные. Также обращает на себя внимание оценочное использование дейктических средств, связанное с реализацией концепта «свой» vs. «чужой» при выражении не только субъектных («мы» vs. «не мы»), но и пространственных («здесь», «наша земля», «своя земля») и временных («сейчас», «наше время», «свое время») значений. В частности, принятие «чужого», превращение его в «свое» проявляется в речи персонажей ПВЛ в изменении способов номинации, в том числе в использовании дейктиков.

Лексические показатели концепта «свой» vs. «чужой» в речи кн. Владимира

<5> Сѣзва вѣлѡ^м меръ бояры свои и старци градскыи и рече имъ: «<...> Си же послѣ^м прихѡ^м ѿша и греци, хѡулаще всѣ законы, свои же хвалаще, и много глаша, сѣзѡующе ѿ начала мироу <...>» (6495 / 987).

<6> И сѣ слышавъ Володимѣръ и рече посланнымъ ѿ цѣрю: «Глѣте цѣрма тако, тако: "Азъ крѣщусѣ, ѿкѡ испытѡхъ прежде сѣхъ дѣни законъ вашъ, и есть ми любовь, и вѣра ваша и служение, иже ми исповѣдаша послании нами мѡжи"» (6496 / 988).

<7> И си слышавъ, Володимѣръ¹³: «Аще се истина бѣде^т, поистѣнѣ великъ Бѣ крѣтыанскъ». И повелѣ крѣтитисѣ (6496 / 988).

<8> Видив же се Володимѣръ напрасное исцѣление и прослави Бѣ, рекъ: «То первое оувидѣхъ Бѣ истиннаго» (6496 / 988).

<9> Володимѣръ же радъ бывъ, ѿкѡ позна Бѣ самъ и людїе его, и возрѣвъ на нѣбо и рече: «Бѣ великыи, створи выи нѣбо и землю! Призри на новыи люди свои, вѣди же имъ, Гдѣ, оувѣдити тебе, истиннаго Бѣ <...>» (6496 / 988).

Еще не крестившийся кн. Владимир как в диалоге <5> со «своими» боярами и старцами градскими, так и в диалоге <6> с «чужими» греками определяет веру последних как «чужую», используя дейктик вашъ и анафорическое местоимение свои; в <7> готовящийся к крещению кн. Владимир уже не использует подобных определений, но называет Господа Богом христиан,

¹¹ Древлеславянская псалтирь Симоновская до 1280 года, сличенная по церковнославянским и русским переводам с греческим текстом и еврейским, с примечаниями. Второе издание. Труд архимандрита Амфилохия. Т.4. М., 1881. С. 63.

¹² Указ. изд. С. 49.

¹³ Лавр.: прибавлено рече.

поскольку сам он еще христианином не стал; в <8> крестившийся кн. Владимир свидетельствует истинность Бога, в которого он уверовал, не указывая того, что это чей-то «чужой» Бог; в <9> крестивший Русь кн. Владимир в молитве просит Господа заступиться за новых христиан, называя их «своими» для Господа.

8. Большинству летописных реплик в диалогах с реплицирующим режимом свойственна **синтаксическая простота** (краткость реплик; сложные предложения редко состоят более чем из двух клауз; клаузы включают ограниченное количество членов, чаще всего заполняющих обязательные семантические валентности или обязательные «коммуникативные валентности» – ремы высказываний). Также в прямой речи обнаруживаются синтаксические конструкции, не свойственные нарративу (бессоюзные полипредикативные конструкции; двойные формы настоящего времени и двойные формы императивов, выражающие значение цели).

Двойные формы наст. времени индикатива и императива:

<10> **И** начаша людѣе говорити на воєводу на Коснѣчѣ <...> и рѣша: «Пондемы, высадимъ дружинѣ ис погреба» (6576 / 1068);

<11> **И** бы^{свѣтѣ}, и разѹмѣ старѣѣцѣ и р^{че} кѣлѣбнику: «Иди, въспроси, есть ли Мѣхалъ в кельи?» (6582 / 1074);

<12> **Єдинѣ** же поварѣ тако же бѣ именемъ Исакии и рече, посмихасѣ: «**Исакыи!** **У**но сѣдитъ вранѣ черныи, иди, ими его!» (6582 / 1074);

<13> **И** рече **Єтополкъ**: «Посидита вы здѣ, а язѣ ^{лѣзѹ}, наражю» (6605 / 1097).

В то же время в реплицирующем режиме прямой речи **не** используется характерное для нарратива нанизывание.

Таким образом, несмотря на неоспоримую нетождественность реальной устной речи, летописная прямая речь обладает такими структурными особенностями, которые, на наш взгляд, могут быть объяснены только тем, что, изображая реплики персонажей, летописец ориентировался на нормы современной ему устной речевой деятельности. В связи с этим изучение типологических особенностей устной коммуникации Древней Руси на материале диалогических фрагментов представляется нам вполне возможным.

В **третьей главе** «Структура и содержание летописных диалогических фрагментов» отмечается, что особенностью изображения устной коммуникации с помощью летописной прямой речи является то, что она во многом представляет собой результат речевой деятельности автора текста, который воплощает в диалогах свое **представление об устной коммуникации** вообще и **структуре коммуникативного события** в частности. Крайне важно, что оно реализуется не только в том, как «конструируются» **реплики** персонажей, но и в том, как они комментируются в **рамочной конструкции**, имеющей, как удалось

установить, структуру, тождественную структуре рамочной конструкции современной художественной прозы: именно в рамочной конструкции описываются те элементы коммуникативного события, о которых, по мысли летописца, необходимо сообщить читателю, иначе тот не поймет, о чем идет речь. При этом в разных частях рамочной конструкции содержится описание различных характеристик коммуникативного события, очередность появления которых в тексте соответствует стадиям его «развития».

Проведенное в третьей главе исследование диалогических фрагментов ПВЛ показало, что они содержат детальное описание **аспектов коммуникативного события**, которые устанавливаются в результате применения приемов коммуникативного анализа также и при изучении современного материала.

В диалогических фрагментах сообщается:

1) о составляющих экстралингвистической ситуации, приведших к коммуникации:

<14> (1) И стоаѡ ѡльга лѣто цѣло, и не можаше взѣти города, (2) и оумысли сице: посла к^ѣ городѹ, ркѹщи: «Чего хоцете доудѣти? <...>» (6454 / 946) – (1) описание экстралингвистической ситуации, приведшей к коммуникации, (2) возникновение речевого намерения;

2) о компонентах подготовительного этапа коммуникативного события (возникновение речевого намерения; определение тактических и стратегических целей коммуниканта; материальные условия коммуникации; характеристики адресата, влияющие на выбор коммуникативной стратегии; оценка когнитивной базы коммуникантов и читателя; следование коммуникативным постулатам и их нарушение):

Тактические и стратегические цели

<15> Он же р^ѣ: «Аще хоцеша ѡдесноу стати, то кр^ѣтисѧ». Вѣлѡ^ѡмер же положи на ср^ѣци свое^ѡ, рекъ: «Пождоу еще мало», хотѧ испытати ѡ всѣхъ вѣра^{хъ} (6494 / 986) – летописец, комментируя ответ кн. Владимира, указывает, что тот получил представление о вере греков и у него уже сформировалось к ней определенное отношение (положи на ср^ѣци свое^ѡ), однако для принятия стратегического решения ему необходимо получить дополнительную информацию (хотѧ испытати ѡ всѣхъ вѣра^{хъ}).

«Включение» в речь материальных условий конситуации

<16> И по приключаю приде и ста подъ горами на верезѣ. И заоутра, вѣставъ, рече к сѹщимъ с нимъ оученикомъ: «Видите горы сиа? <...>».

<17> ѡни же ркоша: «Что сѹтъ вдалѣ?» ѡни же показаша мечь. И рѣша старцѣ козарстии: «Нѣ добра дань, кнѧже!»

Фактор адресата (на примере прескриптивных высказываний кн. Владимира)

<18> И вниде Володимиръ въ гра^ѣ и дружина его, и посла Володимиръ къ цр^ѣви Василю и Кост^ѣ лнтинѹ, глѧ сице: «Се гра^ѣ ваю славныи взѧ^{хъ}. Слышу же се, како сестроу имаете дѣвою. Да аще кѧ не вдасте за мѧ, то створю гра^ѣ вашему, како и семѹ створихъ» (6496 / 988) – угроза при обращении к военному противнику.

<19> Володимиръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчу, с лѣстью гл҃а: «(а) Поприши ми! (б) Аще оубыю брата своеѣ, имѣти тѣ начну въ ѿда мѣсто своеѣ, и многѣ чѣть возмешѣ ѿ мене. (в) Не ꙗко бо почалѣ брата твоего бити, но шнѣ. Азъ же того оубоахъсѣ и придохъ на нь» (6488 / 980) – посул при обращении к потенциальному союзнику.

<20> И рече имъ Володимѣръ: «Идете паки в нѣмцы и сгладите тако же, и ѿтуда идете въ грѣки» (6495 / 987) – приказ при обращении к подчиненным.

<21> Володимѣръ же радъ бывъ, тако позна Бѣ самъ и людие его, и возрѣвъ на нѣо и рече: «Бѣ великий, створивый нѣо и землю! (а) Призри на новыя люди своя, вѣди же имъ, Г҃и, оубѣдити тебе, истеннаго Бѣ, такоже оубидиша страны крѣтъаньскыя. И оутверди оу нихъ вѣру правую и нествратну. (б) Мнѣ помози, Г҃и, на супротивнаго врага, да надѣюсѣ на тѣ и на твою державу, повѣжаю козни его» (6496 / 988) – молитва при обращении к Господу.

«Восполнение» когнитивной базы читателя (слушателя) (конструкция «бѣ бо ...»)

<22> И ркоша деревляни: «Посла ны Деревьскѣа земля, ркѹщи сице: "Мѹжа твоего оубихомъ, вѣшетъ бо мѹжъ твой, тако волкъ, въсхыщѣа и грабѣа, а наши князи добри сѹтъ, ѣ распасли сѹтъ Деревьскѹю землю. Да иди за нашъ князь за Малъ!"» – бѣ бо емѹ имѣ Малъ, князю деревьскому (6453 / 945) – возможная двусмысленность произнесенного заставила летописца пояснить, что именно имеется в виду.

<23> И рече емѹ мѣти: «Видиши ли мѣа волнѹ сѹщю, камо хощеши ѿ мене?» – бѣ бо разболѣласѣ оҹже (6477 / 969) – летописец поясняет причины произнесения кн. Ольгой данной реплики.

<24> И ркоша грѣци: «Мы не дѹжи противѹ вамъ стати. Но возми на наѣ дань и на дружинѹ свою и повѣжѣте ны, колько вѣшь, да вѣады по числѹ на головы». Се же ркоша грѣци, лѣстачи подѣ рѹсю, сѹтъ бо грѣци мѹдри и до сего днѣ. И рече имъ Сѣтославъ: «Есть наѣ .к. тысящѣ», и прирече .і. тысящѣ, бѣ бо рѹси .і. тысящѣ толко (6479 / 971) – то, что кн. Святослав пытался ввести в заблуждение греков, было бы непонятно, если бы летописец не уточнил, что с князем пришло всего 10 тысяч воинов.

<25> И нача Бѹды оҹкарати Болеслава, гл҃а: «Да что ти пропоремъ трескою чрево твое толѣсто е?» – бѣ бо великъ и тѣжекъ Болеславъ, ꙗко ни на кони не могли сѣдѣти, но вѣше смысленъ (6526 / 1018) – фраза воеводы Бѹды осталась бы непонятной для читателя, если бы летописец не уточнил, что кн. Болеслав был действительно великъ и тѣжекъ.

Нарушения коммуникативных постулатов, входящие в намерения коммуникантов

1. Нарушение постулата информативности.

Передавая кн. Ольге предложение выйти замуж за кн. Мала, послы древлян говорят:

<26> «Посла ны Деревьскѣа земля, ркѹщи сице: "Мѹжа твоего оубихомъ, вѣшетъ бо мѹжъ твой, тако волкъ, въсхыщѣа и грабѣа, а наши князи добри сѹтъ, ѣ распасли сѹтъ Деревьскѹю землю. Да иди за нашъ князь за Малъ!"» (6453 / 945).

Их предложение содержательно в значительной степени повторяет сказанное ранее при обсуждении посольства, однако есть и различие:

<27> «Се князь рѹскаго оубихомъ. Поимемъ женѹ его Малѹ за князь свои Малъ, и Сѣтослава, и створимъ емѹ, ꙗкоже хощемъ» (6453 / 945).

Т.о., реплика, адресованная кн. Ольге, не содержит информации о том, что собираются сделать древляне с ее сыном: они утаивают от нее ту часть информации, которая могла бы существенно повлиять на ее решение.

2. Нарушение постулата релевантности.

Не обнаружено.

3. Нарушение постулата истинности.

Персонажи ПВЛ регулярно обманывают своих собеседников, преследуя при этом достижение своих целей, которые противоречат интересам собеседников. Примечательно, что диалогические

фрагменты, в которых рассказывается об обмане, могут включать комментарий летописца, обращающего внимание читателя на то, что реплика персонажа содержит ложь:

<28> Сѣтополкъ же исполниша безаконна, Каиновъ смыслъ примѣтъ, посылаѣа к Борисѹ, гл҃а, тако: «Сѣ тобою хоощю любовь имѣти и к отню ти придамъ», лѣста под нимъ, како бы погубити (6523 / 1015) – летописец указывает, что предложение кн. Святополка содержит ложь (лѣста под нимъ), и при этом особо отмечает, что обман собеседника, который должен привести того к гибели, является намеренным (исполниша безаконна, Каиновъ смыслъ примѣтъ).

4. Нарушение постулата ясности.

Реплики кн. Ольги, адресованные древлянам, показывают, как произнесение высказываний, не содержащих ложной информации, может тем не менее привести собеседника к неправильным выводам (если высказывание является двусмысленным, правильность его истолкования зависит от проницательности адресата):

<29> Рѣ же имѣа Ольга: «<...> Но хоощю вы почтити наоутѣрѣѣа прѣа людми своими, а нынѣ идете в лодью свѹ и лажете в лодыи величающесѣ. Азъ оутро пошлю по вы, вы же рѣете: "Не бѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лодыи", и вѣзънесутъ вы в лодыи». И ѿпусти ѿ в лодью (6453 / 945) – не говорится, что «несение» в ладье является и почестями, воздаваемыми послам, и элементом похоронного обряда;

<30> Деревлянномъ же прѣидѣшиа, повелѣа Ольга мовницю створити, ркѹщи сице: «Измывше сѣ, придетѣ къ мнѣ» (6453 / 945) – не сообщается, какое «омовение» имеется в виду – чествование послов или обряд обмывания мертвеца;

<31> Она же рѣ имѣа: «Нынѣ оу ваѣ нѣтъ меду, ни скоры, но мала оу васъ прошо: данте ми ѿ двора по три голѹби и по три воробьи. Азъ бо не хоощю тѣжкы дани вѣзложити на васъ, тако мѹжъ мон, но сего оу ваѣ прошо мала. Изнемогли бо сѣ есте вѣ всадѣ. Да вданте ми се малое» (6454 / 946) – летописец не уточняет, что кн. Ольга, многократно произносящая омоним(ы) *мала/Мала*, в действительности просит древлян выдать ей кн. Мала – это могло бы позволить им избежать гибели;

3) о компонентах этапа говорения (характеристики локутивного акта, иллокутивные функции высказываний, глобальные иллокутивные функции реплик, невербальные компоненты коммуникации – мимика, взгляд, жесты, позы):

Свидетельство наличия локуции (*звучащая речь vs. внутренняя речь*)

1. Звучащая речь:

<32> Рѣ же имѣа Ольга: «<...>»; <33> Повелѣа Ольга мовницю створити, ркѹщи сице: «<...>»;

<34> Она же рѣ имѣа: «<...>».

2. Внутренняя речь:

<35> Василко же, вѣдѣа на конь, поѣха ѿ вѣсрѣте и штрокѣа его и повѣда емѹ, гл҃а: «Не ходи, княже, хотѣтъ тѣа тати!» И не послуша сего, помышляѣа: «Како ма хотѣтъ тати? Оногда цѣловали хрестъ, рекѹще: «Аще кто на кого бѹдетъ, хрестъ на того и мы вси». И помысливѣа си, перехрестисѣ, река: «Волѣа Г҃на да бѹдетъ» (6605 / 1097); <36> Сѣславъ <...> видѣвѣа же мало дружины своѣа, рѣ в себе: «Сѣа, како прелѣстивше, изъвьють дружинѹ мою и мене?» (971); <37> Сѣтополкъ же вканыи посли в себе, рекѣа: «Сѣ оуже оубихъ Бориса. А еще како бы оубити Гл҃ба?» (1015).

Характеристики локутивного акта

<38> Бѣси же кликнуша и рекоша: «Нашъ еси оуже, Исаке!» – и введеша и в кѣльницю <...> (6582 / 1074) – используется глагол *кликнути*.

<39> И се слышавъ, Глѣбъ въспи велми съ слезами и плачася по ѡтци, паче же и по братѣ, и нача молнитися со слезами, гла: «Оувы мнѣ, Гѣи! <...>» (1015) – используется словосочетание *въспи велми*.

<40> Тогда въздвигнувсѧ Гѡрополкъ, выторгну и съ себе сабяю, и рече великимъ глѣмъ: «Ѡхъ, тотъ мѧ вороже погуби!» (6595 / 1087) – используется словосочетание *великимъ глѣмъ*.

Иллокутивные функции (ИФ)

1. ИФ могут называть глаголы, употребляемые в самом высказывании (чаще всего перформативы):

<41> Ѡна же ре имъ: «Нынѣ оу ва^с нѣтъ меду, ни скоры, но ^{ма}ла оу васъ прошу: <...>» (6454 / 946) – ИФ высказывания кн. Ольги является *просьба*;

<42> И помолившюся ему, и рекъ сице: «Се даю цркви сен стѣи Бѣѣ ѡ имѣнниа своего и ѡ мо^х гра^а десѧтцю часть» (6454 / 946) – ИФ высказывания кн. Владимира является *дарение*;

2. ИФ могут называть глаголы, употребляемые автором в рамочной конструкции:

<43> И пондоста по Дѣнепрѣ, идучи мимо, и ѡзрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркуще: «Чни се городъ?» (6370 / 862) – ИФ высказывания является *вопрос*;

<44> Ѡлегъ же посмѣясѧ и оукори кудесника, рка: «То ты не право молвати волѣсви, но все то лѣжа есть: конь оумерлъ, а ѧ живъ» (6420 / 912) – ИФ высказывания является *укор* (порицание);

<45> Видив же се Володимеръ напрасное исцѣление и прослави Бѣ, рекъ: «То первое оувидѣхъ Бѣ истиннаго» (6496 / 988) – ИФ высказывания является *прославление*;

<46> Егда же подопытахуться и начаху роптати на князя, глаше: «Зло есть нашимъ головамъ! Да намъ ѧсти древлаными лжицами, а не серебряными» (6504 / 996) – ИФ высказывания является *ропот* (упрек).

Невербальные компоненты коммуникативного события

<47> И не могоша противу ему ѡвѣщати дружина Гѡполока, и рече Гѡполокъ: «Брате, се азъ готовъ оуже». И въста Гѡполокъ. И рече ему Володимеръ: «То ты, брате, велико добро створиши Русьской земли» (6611 / 1103) – изменение позы говорящего свидетельствует о значимости произносимого.

<48> И рече ми Василко: «Посидѣ мало». И повелѣ слуги своему ити вонъ, и сѣде со мною, и нача глти: «Се азъ слышу, вже мѧ хочетъ Дѣдъ давати лѧхомъ <...>» (6605 / 1097) – предложение *сесть*, т.е. занять определенную позу при разговоре, свидетельствует об установлении доверительного контакта между коммуникантами.

<49> Послаша к нему злато и паволоки и мужа мудры и рькоша ему: «Гладанъ взора его и лица его и смысла его» (6479 / 971) – «испытание» кн. Святослава греками заключается в том, что муж мудр должен оценить невербальную реакцию князя при получении даров – его *взгляд* (взоръ) и *мимику* (лицо);

4) о компонентах этапа восприятия (описание собственно восприятия, осмысления, понимания и интерпретации сказанного; оценка их успешности или неуспешности; сообщение об успешности или неуспешности выявления имплицитных смыслов):

Этап восприятия

1. Собственно восприятие:

<50> Заоутра же бывши свѣтъ и приспѣвшю вкушению хлѣба, и приде Антонии къ концу по ѡ бычаю и гла: «Блѣви, ѡче Исаки!» И не бы^с гла, ни послушаниа. И многажды гла Антонии, и не бы^с ѡвѣта. И гла Антонии: «Се оуже ѧко преставилъся есть» (6582 / 1074) – прп. Антоний, обращаясь к прп. Исакию с просьбой о благословении, не слышит ответной реплики; он повторяет свою просьбу несколько раз, но ответной реплики не слышит. Отсутствие собственно

восприятия приводит прп. Антония к поиску причин молчания прп. Исакия, и он делает вывод, что тот оуже тако преставилъся естъ.

2. Осмысление, приводящее к пониманию:

<51> Унъ же изыде изъ града съ оуздою и хожаше сквѣзѣ печенѣгы, гл҃а: «Не видѣ ли конѧ никтоже?» – бѣ бо оумѣа печенѣскы, и н мнѧху^т и своихъ (6476 / 968) – летописец считает необходимым пояснить, что подвиг отрока (он выбрался из осажденного Киева, прошел сквозь лагерь противника и, перебравшись на другой берег Днепра, позвал дружину воеводы Претича на помощь горожанам) был бы невозможен, если бы он не обращался к печенегам на их родном языке.

3. Интерпретация:

<52> Иде Улга въ грѣкы и приде к Цѣрюграду. И бѣ тогѣа цѣрь Константинъ, снѣ Левнтовъ. И видѣвъ ю добру сущю лице^м и смыслену велми, и оудивисѧ цѣрь разуму еѧ, бесѣдовѧ к неи и рече еи: (1) «Подобна еси цѣртовати в городѣ семъ с нами». Уна же, разумѣвши, и рече къ цѣрю: (2) «Азъ погана есмь, да аще мѧ хощеши крѣтити, то крѣсти мѧ самъ. Аще ли – то не крѣщусѧ». И крѣти ю цѣрь с патриархо^м. <...> И по крѣщении призва ю цѣрь и рече еи: (3) «Хощю тѧ понати женѣ». Уна же рече: (4) «Како мѧ хощеши понати, а крѣстивъ мѧ самъ и нареку мѧ дщерею? А въ крѣтыанѣхъ того нѣтъ закона, а ты самъ вѣси». И рече цѣрь: (5) «Переключо мѧ, Улга» (6463 / 955) – выслушав похвалу царя Константина (1), кн. Ольга, разумѣвши, интерпретирует его высказывание как нечто большее, чем просто «комплимент», и смысл ее «странный», на первый взгляд, *нерелевантной* ответной реплики (2) «раскрывается» в последующем диалоге: предложении царя (3) и отказе княгини (4), оценившей реплику (1) как «первый шаг» к сватовству; примечательно, что правильность изначальной ее интерпретации верифицируется финальным признанием царя (5);

<53> И, вѣставъ, Исакии видѣ толпу, и лица нхъ паче снѣнца, и единъ посреде нхъ, и съяху ѿ лица его паче всихъ. И гл҃аста ему: «Исакъ! То ти Хъ. Падъ, поклонисѧ ему!» Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣинства, ни памяти прекрѣтитисѧ. Выстѣпа, поклонисѧ, акы Хъ, бѣсовскому дѣинству – прп. Исакий не разумѣ бѣсовскаго дѣинства (и «показанное» ему, и сказанное было ложью), что привело его к пагубным последствиям;

5) об ответных реакциях (речевые и неречевые действия):

Ответная реакция

1. Наличие ответной реакции:

<54> Уни же рѣша, тако: (1) «<...> Всякъ бо члвкъ, аще прежде вкуситъ сладка, послѣди же не можетъ горести прияти. Тако и мы не имамъ сде жити». Ѡвѣщавъша же боярѣ и рѣша: (2) «Аще лихъ бы законъ грѣчкын, то не бы баба твоя Улга припала крѣщению, паже бѣ мудрѣиши вси члвкъ». Ѡвѣщавъ же, Володимѣръ рече: (3) «То кде крѣщение приемъ?» (6495 / 987) бояре произносят оценочное суждение (2), а кн. Владимир задает диктальный вопрос (3), и в обоих случаях реплики вводятся при помощи глагола Ѡвѣщати, который в данной ситуации указывает не на иллюкутивные функции реплик, а на их реактивный характер.

2. Отсутствие ответной реакции:

<55> «<...> Да се еси пришеде и сѣдиши съ своею братьею на единомъ коврѣ. И чему не жалю еши, до кого ти шбидѧ?» И не Ѡвѣща ему ничтоже Давыдъ (6607 / 1099);

6) об изменениях во внеязыковой действительности, связанных с коммуникативным событием (в том числе достижение или недостижение желаемого перлокутивного эффекта):

Достижение желаемого перлокутивного эффекта:

<56> Ркоша дружина Игоревн: «<...> И поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы». И послуша нхъ Игорь, иде в дѣрева в дань (6453 / 945); <57> И рече единъ: «Искѣси и единою и

еще: послѣ ѿмѹ врѹжѣ». Ѡни же послѣша его и послаша ѿмѹ мечь и ино врѹжѣ (6478 / 970) – говорящий добивается желаемого перлокутивного эффекта: собеседник послѣша его.

Недостижение желаемого перлокутивного эффекта:

<58> И послаша к нѣмѹ, гл҃ше: «По что идеши ѡпатѣ? Поималѣ еси вѣсю дань». И не послѣша ихъ Игорь, и шедше изъ города Искоростѣна противѹ древланѣ, и оубиша Игорѣ и дружинѹ его, бѣ бо ихъ м҃ло (6453 / 945); <59> Ѡна же рече ѿмѹ: «Аще ты кр҃стишися, вси имѹтѣ то же твори^т». Ѡнъ же не послѣша мѣри и твораше норovy поганьскыа (6463 / 955) – говорящий не добивается желаемого перлокутивного эффекта: собеседник не послѣша его.

Таким образом, представления древнерусского книжника о структуре коммуникативного события оказываются вполне соотносимыми с представлениями о структуре коммуникативного события в современных научных исследованиях.

Также в данной части исследования было установлено, что летописная рамочная конструкция имеет структуру, аналогичную структуре рамочной конструкции современных художественных текстов; она включает введение (интродукцию), ремарки, авторские комментарии и заключение (резюме). Удалось установить одну интересную закономерность порядка слов в авторских ремарках: подлежащее-существительное, называющее коммуниканта, находится в постпозиции по отношению к сказуемому, называющему локутивный акт. Особенности именно такого словопорядка связаны с тем, что в ремарке, вводящей реактивную реплику, актуализируется информация о смене коммуниканта: читателю важно узнать не о том, что происходит говорение, а о том, *кто* говорит на этот раз. В то же время когда в ремарке используется анафорическое местоимение Ѡнъ (Ѡна или Ѡни), порядок слов выглядит иначе – подлежащее находится в препозиции по отношению к сказуемому, при этом в подавляющем большинстве случаев за местоимением следует энклитика же¹⁴.

Особенности порядка слов в ремарках

1. Подлежащее-существительное постпозитивно:

<60> «И рече имѣ Володимѣрѣ», «И ркоша древлани», «И рече ѿмѹ мѣти», «И ркоша грѣци», «Рече же имѣ Ѡлга», «И рече Болеславъ», «и рѣша болгаре», «И рече Гл҃бѣтъ», «Ркоша же дружина Игорѣва», «И ркоша ѿмѹ болгаре», «И рече князь печенѣжьскыи Претичѹ», «И рѣша мѹжи Володимѣри, и Дѣдѣви, и Ѡлгови», «И рече ѡдинъ ѡтрокъ», «И рече единъ» и т.д.

2. Подлежащее-местоимение препозитивно:

<61> «Ѡни же рѣша имѣ», «Ѡни же рѣша имѣ», «Ѡни же ркоша», «Ѡна же рече имѣ», «Ѡнъ же рече», «Ѡнъ же рече», «Ѡнъ же рече», «Ѡна же, разѹмѣвши, и рече къ цѣрю», «Ѡна же рече», «Ѡн же глаголаше», «Ѡни же рѣша, тако», «Ѡна же рече ѿмѹ» и т.д.

¹⁴ В.М. Живов, анализируя способы введения прямой речи в ПВЛ, отмечает: «С помощью частицы *же* может выражаться чередование участников при конструировании диалога» (Живов В.М. Порядок слов при *verba dicendi* в восточнославянских памятниках письменности // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 341).

Особенностью летописной рамочной конструкции, отличающей ее от современной, является регулярное использование в ее введении и ремарках особого компонента, который мы назвали **финитно-причастной конструкцией**. Данная конструкция представляет собой сочетание личной формы глагола и формы причастия, при этом одна из форм называет локутивный акт, а вторая – какую-либо составляющую коммуникативного события (действие, приведшее к возникновению канонической ситуации общения; получение сенсорной или ментальной информации как стимул коммуникации; место реплики в диалоге – она является *инициальной* vs. *реактивной*; эмоционально-психологическое состояние говорящего; неречевое действие как элемент коммуникации; акустические особенности локутивного акта; иллокутивная функция высказывания, в том числе иллокутивная функция косвенного речевого акта; перлокутивный эффект и т.д.). Особенности использования финитно-причастной конструкции свидетельствуют о ее **полифункциональности**: она является а) средством ввода прямой речи, маркирующим начало реплики, и б) средством описания составляющих коммуникативного события, о которых, по мысли летописца, необходимо знать читателю для правильного понимания изображаемого диалога.

Финитно-причастная конструкция:

1) указывается действие, приводящее к возникновению **канонической ситуации общения**:

<62> **И призва** старѣишинѹ конюхомъ, рка: «Кдѣ есть конь мой, его же вѣхъ поставилъ кормити и блюсти его?» (6420 / 912);

2) указывается, что коммуникация проходит **не** в канонической ситуации общения:

<63> **Посла** Олегъ к радимичѣмъ, рка: «Кому дань даете?» (6393 / 885) – кн. Олег общается с радимичами не напрямую, а через посредников-послов;

3) указывается, что **стимулом** для начала коммуникации послужило **получение информации**:

• **сенсорной**: <64> **Приведе** Ганка митрополита Иѡ скопчину, егоже **видивше** люде вси рекоша: «Се мрътець пришелъ» (1090),

• **ментальной**: <65> **И си слышавъ**, Володимеръ (Лавр.: прибавлено рѣ): «Аще се истина бѹдеѣ, поистѣнѣ великѣ Бѣ крѣтъганскѣ» (6496 / 988);

4) глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, маркируя его начало (**инициальные реплики**):

<66> **И влѣзъ** сотона оу сердце нѣкоторымъ мужемъ, и **начаша глѣти** къ Дѣдѣ Игоревичю, рекуще сице, тако: «Володимеръ сложилъся есть с Василкомъ на Гѣтополка и на тѣ» (1097);

5) глагол указывает место **речевого шага** в диалоге, называя **отношение** произносимой реплики к предшествующей реплике (**реактивные реплики**):

<67> **И въпросиша** колодникъ, глѣще: «Како васъ толка сила и многое множество, не можете сѣ противити, но воскорѣ повѣгостѣ?» Он же **ѡвѣщеваху**, глѣюще: «Како можемъ вѣгисѣ с вами? А друзии вѣздаху верху васъ въ оружьи свѣтѣ и страшни, иже помагаху вамъ!» (1111) и т.д.

Анализ ПВЛ показывает, что употребление финитно-причастной конструкции, будучи весьма частотным, не является абсолютно обязательным: встречаются диалогические фрагменты, в которых реплики вводят «одионые» глаголы, или, наоборот, перед репликой

обнаруживается «цепочка» глаголов, во всей полноте описывающих начальный этап коммуникативного события.

Вариативность введения в текст реплик летописных персонажей

«Одиночный» глагол:

<68> В лѣто .ѿ.ѿ.нѣ .: Ркоша дружина Игоревѣ: «Утроци Свѣнде^ѣжи изовдѣлѣса сѣть врѣжъ емь и порты, а мы нази. И поиди, княже, с нами в дань, да и ты доведѣшь, и мы» (6453 / 945).

«Цепочка» глаголов:

<69> И пондоста по Дѣнепрѣ, идѹчи мимо, и оузрѣста на горѣ городокъ и въспрошаста, ркъще: «Чин се городъ?» (6370 / 862) – указываются особенности экстралингвистической ситуации (пондоста по Дѣнепрѣ, идѹчи мимо), называется стимул (получение сенсорной информации: оузрѣста на горѣ городокъ), определяется ИФ высказывания (въспрошаста), свидетельствуется само говорение (ркъще);

<70> Вѣлодимеръ же слышавъ, тако патъ естъ Васиako и вслѣплентъ, оужасаса и въсплакаса вельми ꙗ рече: «Сего не было естъ оу Рꙋсьскои земли ни при дѣдехъ нашихъ, ни при вѣцѣхъ нашихъ сажого зла» (6605 / 1097) – описывается цепочка событий, приведших к говорению: стимул (новое знание: слышавъ) – психологическая реакция (оужасаса) – эмоциональная реакция (въсплакаса) – рациональная реакция (суждение, произносимое персонажем: рече).

Представленный в **четвертой главе** «Сегментные единицы летописного диалога и их функционирование» анализ диалогических фрагментов позволил установить, что коммуникативное событие воспринимается летописцем как дискретный объект, в структуре которого выделяются определенные **сегментные единицы** (высказывание, реплика, интеракция, минимальная диалогическая единица). Изучение изображаемого летописцем коммуникативного события в его деятельностном аспекте приводит к выделению таких сегментных единиц, как речевой шаг, речевой ход, обмен репликами, коммуникативный эпизод. Как и в современном дискурсе, реплики летописных коммуникантов связаны отношениями иллокутивного вынуждения: в зависимости от типа этих отношений выделяются диалоги информативного, прескриптивного, экспликативного и фатического типа. При этом изучение диалогических фрагментов показало, что коммуникативные эпизоды, образующие одно коммуникативное событие, могут относиться к диалогам разного типа.

В ходе исследования было установлено, что изображаемым в ПВЛ высказываниям присуще свойство, названное нами **иллокутивной полифункциональностью** – способностью высказывания в процессе коммуникации быть использованным одновременно в нескольких иллокутивных функциях, при этом: а) высказывание может представлять собой как прямой, так и косвенный речевой акт, б) одна из его функций является основной, в) у высказывания может быть одновременно несколько дополнительных функций. То, что высказывание использовано как иллокутивно полифункциональное, определяется объективно на основе а) соотнесения высказывания с другими высказываниями, образующими реплики данного диалога, и б) анализа рамочной конструкции в тех случаях, когда летописец сообщает

об иллокутивных функциях высказываний. В результате были выделены типы **иллокутивно полифункциональных высказываний** (ИПВ), которые используются в качестве минимальных коммуникативных единиц (ИПВ обнаруживаются в 49,5% непереводных диалогических фрагментов); перечислены и описаны стандартные сочетания иллокутивных функций; определена частотность использования ИПВ в диалогических фрагментах различного объема и установлена закономерность: чаще всего ИПВ входят в состав реактивных реплик. Также было установлено, что использование ряда типовых летописных ИПВ (например, диктальных и модальных вопросительных косвенных речевых актов) характерно и для современного русского дискурса и имеет, таким образом, традиционный характер.

Иллокутивно полифункциональные высказывания (ИПВ) (на примере вопросительных косвенных речевых актов)

ИФ «оценочное суждение-осуждение (упрек)» + ИФ «призыв к действию»

<71> Р'е Г'тосл'въ к'ъ м'тръ свои и к'ъ бога^о своимъ: «Не любо ми естъ в Киевѣ жити, хочю ж'ти в Переяславци в Дунан <...>». И р'е е^му м'ти: «Видиши ли м^а волн^у с^ущю? Камо хощеши ѿ мене?» – б'ѣ бо разболѣлас^а о^уже <...>И по трехъ днѣхъ о^умре Ѡлга. И плакас^а по не^н снѣ е^а, и вн^уци е^а, и лю^ае вси плач^емъ велики^и и, несъше, погр'ѣша ю на м'ѣстѣ (6477 / 969). Кн. Ольга оценивает намерение сына («Плохо, что ты собираешься уйти (в таких обстоятельствах)») и призывает его не осуществлять его («Не уходи!»). ИФ ИПВ верифицируется описанием последующих событий в заключении рамочной конструкции.

ИФ «оценочное суждение» + ИФ «отказ»

<72> И по кр'щенни призва ю ц'рь и р'е е^и: «Хощю т^а пон^ати женѣ». Ѡна же р'е: «Како м^а хощеши пон^ати, а кр'ѣстивъ м^а самъ и нарек^ъ м^а дщ^ьь? А въ кр'тъанѣхъ того нѣ^ѣ закона, а т^ы самъ в'ѣси» (6463 / 955). Кн. Ольга высказывает оценочное суждение «Ты не можешь взять меня в жены, став моим крестным отцом», и это означает, что она отказывает греческому царю. О том, что ее ИПВ воспринято именно так, свидетельствует ответ царя: «Переклюка м^а, Ѡлга».

ИФ «требование информации (модальный вопрос)» + ИФ «призыв к действию»

<73> Володимеръ же, пришедъ в товары, посла по товаромъ бирича, г'ла: «Нѣтътѣ ли тако^о м^ужа, н^иже бы с^а г^алъ с печенѣжаниномъ бра^{тис^а}?» И не ш^ерѣтес^а никдѣже (6501 / 993), <74> Г'ь и же р'е: «К^иже! Не в'ѣмъ, могу ли с него. Да иск^усите м^а. Нѣтътѣ ли вола велика и силна?» И налѣзоша волъ силенъ (6501 / 993). Вопросы, задаваемые говорящими, являются КРА, поскольку, задавая их, они имеют в виду прямо противоположное тому, что предполагает буквальное их понимание (<73>: «Нет ли мужа?» означает «Есть ли муж?»; <74>: «Нет ли вола?» означает «Есть ли вол?»). В то же время говорящий хочет, чтобы собеседник совершил некоторое действие (<73>: «Найдите мужа!»; <74>: «Найдите быка!»). ИФ обоих ИПВ верифицируется в описании действий собеседника в заключении РК (согласно пожеланию говорящего, осуществляется поиск, и в первом случае не ш^ерѣтес^а никдѣже, а во втором налѣзоша волъ силенъ).

ИФ «требование информации (модальный вопрос)» + ИФ «напоминание» + ИФ «насмешка»

<75> И принесоша га на дворъ к'ъ Ользѣ, и, несъше га, и вринуша въ таму и сѣ лодьею. И пр'ни кши Ѡлга и р'е имъ: «Добъра ли вы ч'тѣ?» Ѡни же ркоша: «Пущ^е ны Игоревы см'ѣрти». И пове

лѣ засыпати ꙗ живы, и посыпаша ꙗ (6453 / 945). Указание на худшее положение дел в ответе древлян («*Нам еще хуже, чем Игорю*») свидетельствует о том, что модальный вопрос кн. Ольги воспринимается именно как КРА: она спрашивает о том, хороша ли честь, и, если бы этот вопрос был понят как ПРА, ответить на него следовало бы иначе. При этом кн. Ольга произносит слова, которые повторяют сказанное ею накануне («*По хъщю вы почтити наоутърѣѧ прѣꙗ людьми свои ми*»): коварная княгиня насмехается над древлянами, которые не сумели понять скрытого смысла ее слов, а теперь должны дать в ответе оценку ситуации, которая возникла в результате их недогадливости.

ИФ «опровержение предположения» + ИФ «насмешка»

<76> И прѣѣхѧ на мѣсто, идеже бѣху лежаще кости его голы и лобъ голъ, и, слѣзѣ с конѧ, посмѣѧся, рка: «*Ѡ сего ли лѣѧ смѣть мнѣ взѧти?*» И вѣстѣпи ногою на лобъ, и выникнѣчи змѣѧ и оуключѣ и в ногѣ (6420 / 912). Формально вопрос кн. Олега звучит как инициальная реплика, однако в действительности он представляет собой реакцию на предсказание волхва – князь опровергает его. Появление ИФ «насмешка» связано с аллюзией: кн. Олег частично воспроизводит реплику волхва «*Конь, егоже любииши и ѣздиши на немъ, Ѡ того ти оумрети*», заменяя в ней слово **конь** на слово **лобъ** («предмет, который при определенных условиях может представлять опасность» > «предмет, который опасности не представляет»).

Анализ летописных высказываний позволил установить, что персонажи ПВЛ регулярно «произносят» высказывания, которые являются **косвенными речевыми актами** (КРА). Было проанализировано 82 иллокутивно монофункциональных КРА (они обнаружены в 33 из 323 непереводаемых диалогических фрагментах). Их семантика устанавливалась на основе а) оценки уместности произнесения высказывания с точки зрения следования постулату релевантности, б) оценки реактивной реплики собеседника, и в) оценки информации в рамочной конструкции. В результате было определено следующее: а) семантика вопросительных КРА (38 высказываний) сводится к утверждению некоторого оценочного суждения, при этом в структуре пропозиции семантический оператор отрицания меняется на семантический оператор утверждения, и наоборот (см. <77>-<81>), б) семантика невопросительных КРА (44 высказывания) в большинстве случаев связана с выражением непрямых видо-временных значений глагольных форм (см. <82>-<84>). Также были установлены сходства между семантикой летописных и современных КРА и, таким образом, доказан их традиционный характер.

Вопросительные КРА

ИФ «требование информации (модальный вопрос)» > ИФ «призыв к действию»

<77> И заоутра, вѣставъ, рече к сѣщимъ с нимъ оученикомъ: «*Видите горы сии? ꙗко на сихъ горахъ вѣсиаетъ бл҃гѣтъ Бж҃иа. Имаѣтъ и городъ великъ быти, и цркви многы имаѣтъ Бж҃ъ въздви҃гнѣти*». Произнося вопросительное высказывание, апостол Андрей призывает своих учеников посмотреть в указанном направлении. ИФ КРА верифицируется тем, что апостол Андрей продолжает рассказ, а не ждет «ответа» от учеников.

ИФ «требование информации (модальный вопрос)» > ИФ «оценочное суждение»

<78> И придоша въ градъ, и рекаша людие: «*Почто гүбите себе? Коли можете перестоѧти наѣ? ꙗще стоите ꙗ. лѣѣ, что можете створити намъ? Имѣѣмъ во кормлю Ѡ землѧ. ꙗще ли не вѣрѣ*

ете, да видите своимъ очима» (6505 / 997). Говорящий высказывает суждение о невозможности совершения действия в будущем. ИФ КРА выводится на основе оценки релевантности произносимого: говорящий не ожидает ответа от собеседника (он и не произносится), при этом высказывание *Имѣмъ во кормлю ѿ земли*, включенное в ту же реплику, служит аргументом для двух предшествующих оценочных КРА, выраженных модальным и диктальным вопросами.

ИФ «требование информации (модальный вопрос)» > ИФ «требование информации (диктальный вопрос)»

<79> *И въстѹжиша люде в городѣ и ркоша: «Нѣ ли коѣ, иже бы на ѿнѹ страну могли донти¹⁵?»* "аще не пристѹпите оутро подѣ городѣ, предатисѣ имамѣ печенѣго^{мн}". И рече ѿдинъ ѿтрокъ: «Азъ могу прѣити» (6476 / 968), <80> *Ѹнѣ же изыде изъ града съ оуздѹю и хожаше скѣвѣзѣ печенѣгы, гла: «Не видѣ ли конѣ никтоже?»* – *бѣ во оумѣа печенѣскы, и н мнѣхѹ^т и своихѹ* (6476 / 968). КРА <79> и <80>, будучи формально отрицательными суждениями, требующими подтверждения достоверности излагаемой информации, в действительности произносятся для того, чтобы узнать, кто может быть агенсом описываемой в высказывании пропозиции (местоимения *кто* и *никто* используются в одной функции): «*Нет ли кого, кто мог бы <...>?*» следует понимать как «*Кто может <...>?*», а «*Никто не видел коня?*» означает «*Кто видел коня?*». Функция <79> при этом верифицируется через ответную реплику. Таким образом, модальные по коммуникативной форме вопросы <79> и <80> используются в качестве диктальных вопросов.

ИФ «требование информации (диктальный вопрос)» > ИФ «оценочное суждение»

<81> *Мѣстислав же, ѿ свѣтѣхъ заоутра и видѣ лежачи исѣчены ѿ своѣхъ скѣвѣръ и варѣгы Гѣрѣославѣ, и рече: «Кто семѹ не ра?»* *Се лежитъ скѣвернннѣ, а се варѣгѣ, а своѣа дружина цѣла*» (6532 / 1024). Местоимение *кто* называет пациенс в субъектной позиции. ИФ КРА выводится на основе оценки релевантности произносимого: высказанная оценка поясняется последующими высказываниями, включенными в реплику.

Невопросительные КРА

ИФ «сообщение о настоящем» > ИФ «сообщение о бывшем»

<82> *Цѣрь же наоутрѣа призва га, и рече цѣрь: «Да глѹтъ "сли рѹсцин". Ѹни же ркоша: «Тако глѣтъ князь нашъ: "Хочю имѣти любовь съ царемъ" грѣцькимъ свѣршенѹ прочага всѣа лѣта"»* (6479 / 971). Говорящий сообщает о событии, которое имело место до момента речи, используя форму настоящего времени. Связано это с тем, что в условиях нарушения канонической ситуации общения он ориентируется на время восприятия собеседника.

ИФ «сообщение о настоящем» > ИФ «предсказание»

<83> *Бонѣкъ же прѣбѣхѣ, повѣда Давыдови, тако: «Повѣда ны естъ на ѹгры». И завѣтра Бонѣкъ исполнивъ вои свои – Давыдово .р., а Бонѣкъ оу .тѣ. стѣхѣхъ – и разлѣли на .гѣ. полкы и понде ко оутромѣхъ <...> И повѣгоша оутре, и мнози истопоша оу Вагрѹ, дружини же въ Ганѹ* (6605 / 1097). Употребляя форму настоящего времени, Боняк говорит о победе в еще не состоявшейся битве как о свершившемся факте. ИФ КРА верифицируется описанием последовавших событий, подтвердивших правильность «предсказания», и, главное, упоминанием того, что произошли они *завѣтра*.

ИФ «сообщение о будущем» > ИФ «сообщение о настоящем (наст. узואальное)»

<84> *Пришедшю ми в Ладогѹ, повѣдаша ми ладожане, тако сдѣ естъ: «Бгда бѹдетъ тѹча велика, нахоуѣтѣ дѣти наши глазкы стекланныи, и малыи и великыи, провертаны, а дрыа подлѣ Волховѣ берѹтъ, еже выполоскываетъ вода»* (6622 / 1114). Подобные КРА встречаются во фрагментах

¹⁵ Лавр.: прибавлено и рече имѣ. В Соф. вместо речи обнаруживается подходящее по смыслу рещи.

с нарративным режимом диалоговедения: говорящий рассказывает о том, что бывает, при этом КРА может содержаться в инициальной клаузе, называющей условие возникновения типовой ситуации или в основной части рассказа, в которой описываются последовательно происходящие события. В других же частях реплики обнаруживаются прямые речевые акты с формами настоящего времени в значении настоящего узувального (*нахо^атъ дѣти наши глаз^акы стекланны*): использование их в одном ряду с формами будущего времени как раз и позволяет установить ИФ этих КРА.

Еще одной сегментной единицей, изученной в работе, стало **обращение** (95 единиц в 323 непереводах диалогических фрагментах). Были определены факторы, влияющие на частотность использования летописного обращения: а) ситуация общения (*контактная* vs. *дистантная коммуникация*), б) тип адресата (*сенсорно* vs. *духовно воспринимаемый*, *персонифицированный* vs. *неперсонифицированный*), в) социальные роли (*равенство* vs. *неравенство*), г) позиционный критерий (использование в *первом* vs. *не первом* коммуникативном эпизоде, *инициальной* vs. *реактивной* реплике, *первом* vs. *не первом* речевом шаге, *препозиции* vs. *интерпозиции* vs. *постпозиции* по отношению к клаузе), д) особенности субъектной перспективы высказывания (*персонализованность* vs. *неперсонализованность*), е) особенности структуры высказывания, связанные с использованием в нем клитик (наличие тактовой группы, находящейся в начале клаузы и способной к *тематизации* vs. *рематизации*).

Влияние перечисленных факторов проявляется в следующих особенностях использования летописных обращений:

1) наиболее частым при контактной коммуникации является использование обращений в экспликативе, при дистантной коммуникации – в прескриптивных диалогах;

2) частотность употребления обращений возрастает, когда адресат относится к той же социальной группе, что и говорящий, или занимает главенствующее по отношению к нему положение (в частности, наиболее часто обращения используются в речи духовных лиц (47%), при этом чаще всего они встречаются в тех случаях, когда адресат является духовно воспринимаемым (3 из 3 КЭ¹⁶ – 100%), и в диалогах с другими духовными лицами (11 из 21 КЭ – 53%). В речи князей обращения используются реже (25%), при этом чаще всего они встречаются в тех случаях, когда адресат является духовно воспринимаемым (21 из 27 КЭ – 78%), и в диалогах с другими князьями (18 из 66 КЭ – 27%). Незначительно реже обращения используются в репликах народа (горожан) (19%), причем все они обнаруживаются в диалогах с князем (7 из 28 КЭ – 25%), в основном это дистантные прескриптивные реплики. Намного реже встречаются обращения в речи воевод (13%) и царей (8%);

¹⁶ КЭ – коммуникативный эпизод.

3) местоположение обращения зависит от цели говорящего активировать тот или иной набор функций и от типа адресата (*духовно воспринимаемый адресат* – преимущественно препозитивное использование vs. *сенсорно воспринимаемый адресат* – преимущественно интер- и постпозитивное использование);

4) отмеченная зависимость местоположения обращения от типа адресата служит маркером определенной стратегии речевой деятельности летописца: препозитивное использование обращения отражает особенности организации «книжной» речи (имеются в виду «престижные» речевые жанры, такие как *молитва*), а интер- и постпозитивное – особенности организации речи «некнижной», тематически соотносимой с современной бытовой устной речью (иначе говоря речью, используемой при повседневном общении на бытовые темы).

Также были установлены и описаны структурные, семантические, прагматические и стилистические функции летописных обращений: а) аппеллятивно-вокативная, б) псевдоаппеллятивно-вокативная, в) номинативная, г) характеризующая, д) фокусирующая, е) межличностная, ё) сегментирующая, ж) иллюкутивная, з) дискурсивная, и) жанрообразующая¹⁷.

Функции обращений (на примере использования интерпозитивных обращений)

Аппеллятивно-вокативная функция:

<85> И послашася паки кнѧне к Володимѣрѣ, гл҃юще: (1) «(1.1) Поиди, кнѧже, Киевѣ <...>» (6621 / 1113).

Псевдоаппеллятивно-вокативная функция (использование обращения маркирует переход к новому коммуникативному эпизоду):

<86> Р^че же Володимѣрь: (1) «Что что ра^а сниде Бѣ на землю и страсть такѣ приатъ?» Ѡвѣщавъ же, р^че философъ: (2) «Аще хощеши, кнѧже, послѣшати изъ начала, что радѣ сниде Бѣ на землю?» Володимѣрь же рече: (3) «Послѣшаю радѣ». И нача философъ гл҃ти сице: (4) «Въ начало испѣрва створи Бѣ нбо и землю въ .а. днь. <...>» (6494 / 986). Фрагмент представляет собой своеобразную коммуникативную «матрешку»: внутри информативного КЭ (1)+(4) обнаруживается еще один информативный КЭ (2)+(3); произнесение обращения в (2) помогает говорящему перехватить коммуникативную инициативу – задать встречный вопрос, который направил интерес собеседника в нужное русло и позволил расширить содержание реплики (4), которая структурно является ответом на (1), но содержит информацию, соотносимую с (2).

Сегментирующая функция (обращение является важнейшим средством сегментации диалога, маркирующим границы между различными коммуникативными и формально-синтаксическими единицами):

1. В качестве средства актуального членения:

Т // Р¹⁸

<87> (3) «<...> То ѡ сѣмь чѣмѣ не мыслите?» > (5) «Се азъ (Т), братѣ, готовъ есмь с тобою (Р)»,

¹⁷ Примеры использования обращений во всех перечисленных функциях приводятся в диссертации.

¹⁸ Т – тема, Р – рема.

<88> (1) «Братѣ, се азъ (Т) готовъ оуже (Р)» > (2) «То ти (Т), братѣ, велико добро створиши Русьскон земли (Р)»;

Р // Т

<89> (1) «Встани на сѣтокъ (Р)» > (2) «Не могу (Р), братѣ, встати (Т)».

2. В качестве средства синтаксической сегментации:

ПЕ // ПЕ¹⁹

<90> <...> И р'е Володимеръ: (2) «Дивно мѧ, дружино, уже лошади кто жалуетъ, еюже вретъ кто <...>» (6611 / 1103);

ПЕ // полуПЕ

<91> «(1.1) Се оуже прельстилъ мѧ еси, дьяволе, (1.2) сѣдѧща на единомъ мѣстѣ <...>»;

актантная группа // предикатная группа

<92> (1) «(1.1) Азъ, снѣ, (1.2) Бѧ познахъ (1.3) и рачюсѧ», <93> И послѧша кнѧгѣ къ Сѣтославѣ, глаголюще: (1) «(1.1) Ты, княже, (1.2) чужен земли ищешь и блюдешь, а своѧ сѧ лишивъ <...>» (6476 / 968) – интерпозитивное употребление обращений часто связано с конструкциями, в которых обращению предшествует словоформа, называющая собеседника – 20 случаев из 39 – 51%; т.о., использование обращения позволяет уточнить субъектную перспективу высказывания.

3. В качестве средства, выделяющего первую тактовую группу (в т.ч. при создании ритмико-синт. барьера) (27 из 32 высказываний с обращениями внутри клауз – 84%):

а) полноударная словоформа:

см. <85>, <92>, <93>,

б) проклитика + полноударная словоформа:

см. <89>,

в) полупроклитика + полноударная словоформа:

<94> (2) «Аще хощеши, княже, послушати из начала, что радѣ сниде Бѣ на землю?»,

г) проклитика + полупроклитика + полноударная словоформа:

<95> (8) «Атъ идѣ по нь, а ты тѣ, братѣ, посѣди»,

д) полноударная словоформа + одна энклитика:

см. (2) в <88>,

е) полноударная словоформа + несколько энклитик:

<96> Глаголь <...> нача молитисѧ со слезами, глаголюще: «<...> Аще бо быхъ, братѣ, видѣлъ лице твоѧ ангелское, оумерлъ быхъ с тобою» (6523 / 1015),

ё) проклитика + полноударная словоформа + энклитика:

<97> «<...> Но сѣди ми, Гни, по правдѣ <...>»,

ж) две проклитики + полноударная словоформа + энклитика:

<98> (Борисъ) помолисѧ, зрѧ на иконѣ, глаголюще на вбразѣ влчнь: (1) «<...> (1.1) Се же не ѿ противныхъ принимаю, но ѿ брата своего, (1.2) и не створи емоу, Гни, в семь грѣхѧ» (6523 / 1015).

4. В качестве средства сегментации после нескольких тактовых групп:

В (1.2) в <99> Рѣша Сѣтополкѣ, тако: (1) «(1.1) Се двѣа естъ сколота. (1.2) То иди ты, Сѣтополче, на Давыда, (1.3) любо ими и, любо прожени» (6605 / 1097) упоминание субъектного актанта ты, создающее дополнительную тактовую группу, выглядит избыточным: в высказывании с препозитивным императивом местоимение 2 лица в той же клаузе в летописных высказываниях не используется; при этом, если обращение следует за подлежащим, выраженным местоимением 2 лица, во всех случаях, кроме (1.2) в <99>, глагольная форма употребляется за обращением. Такое нарочитое, по сути «тройное» (форма глагола + местоимение + обращение), упоминание собеседника, усиливаемое актуализацией подлежащего, должно заставить того вывести импликацию: «Это твое дело, именно ты должен исправить ситуацию».

¹⁹ ПЕ – предикативная единица.

Как показал анализ, на актуализацию тех или иных функций обращения оказывает влияние «контекст» – совокупность семантических, прагматических и синтаксических условий его употребления. При этом оказалось, что обращениям свойственно регулярное использование в нескольких функциях одновременно (наиболее функционально нагружены обращения в интерпозиции речевых шагов, входящих в неинициальные реплики, при общении с сенсорно воспринимаемым адресатом). Таким образом, обращению, как и другим рассмотренным сегментным единицам ПВЛ, свойственна **полифункциональность**.

Полифункциональное использование обращений

<100> **Н**аоутрѣна же **Ѹ**тополкъ созва богаре и кнѣзѣ и повѣда имъ, еже бѣ емѹ повѣдалъ **Д**ѣдъ, **ѣ**ако: (1) «**Б**рата ти оубиѣти и на тѣ свѣщѣти с **В**олодимеромъ, хочеть тѣ оубити и градъ твои **з**апати». **И** рекоша богаре и людѣ: (2) «**Т**обѣ, кнѣже, головы своѣ достонѣ вѣлости <...>» (6605 / 1097). Обращение в (2) а) фокусирует внимание собеседника на важном сообщении, б) маркирует переход к новому КЭ, в) используется как средство актуального членения, г) указывает границу между косвенным дополнением со значением субъекта и предикативной частью клаузы, д) уточняет субъектную перспективу высказывания.

Представленный в **пятой главе** «Коммуникативная структура летописного высказывания» анализ **коммуникативной структуры** летописного высказывания производился без учета просодических данных с опорой исключительно на объективно имеющиеся письменно зафиксированные показатели: порядок слов, лексические и грамматические компоненты. Основным методом анализа стали: а) соотнесение в диалогах разного типа высказываний, входящих в состав одной и той же реплики или разных реплик, связанных отношениями иллюкутивного вынуждения и образующих интеракции, б) анализ информации, содержащейся в рамочных конструкциях диалогических фрагментов.

Примеры верификации данных

Информативный диалог. Диктальный вопрос:

<101> **И** повѣдаша емѹ бѣловзѣрѣци, **ѣ**ако два кудесника избѣла многы жены по **В**олъзѣ и по **Ш**ькснѣ и пришла естъ сѣмо <...> **Б**ѣловзѣрѣци же шедше и таша и, и приведоша та к немѹ. **И** рѣ има: (1) «**Ч**то ради (Р) погубистѣ толико члѣкъ (Т)?» **Ѹ**нима же рекшима, **ѣ**ако: (2) «**Ѹ**ни (Т) держати говину (Р) <...>» (6579 / 1071) – тема (1) содержит информацию, известную обоим коммуникантам (об этом рассказывается в «**И повѣдаша емѹ** <...>»), тема (2) соотносится с темой (1) (анафорическое **си** = **толико члѣкъ**); рема (2) содержит информацию, которая была «затребована» в реме (1).

Информативный диалог. Модальный вопрос:

<102> **И** заоутра **Ѹ**льга, сѣдѣщи в теремѣ, посла по гости, и приидоша к нимъ, глѹюще: (1) «**З**оветь вы **Ѹ**льга на чѣть великѹ» <...> **И** прѣникши **Ѹ**льга и рѣ имъ: (2) «**Д**обѣра ли вы (Р) чѣть (Т)?» **Ѹ**ни же рекоша: (3) «**П**уще ны **И**гореви смѣрти» (6453 / 945) – тема (2) соотносится с (1), рема (2) содержит предположение говорящего; в ответ на него собеседник произносит оценочное суждение (3), а не согласие или опровержение сказанного в (2).

Прескриптивный диалог:

<103> И прииде Василко въ .д. ноябѣрѣ и перевезесѣ на Выдовичь, їде поклонитсѣ къ стѣмѹ Михаилѹ в манастирь <...> Наоугриѣ же вышю, присла Гѣтополкъ, река: (1) «Не ходи (Р) ѿ именинѹ моиѹ (Т)». Василко же ѡтопрѣсѣ, река: (2) «(2.1) Не могу (Р) ждати (Т). (2.2) Ѣда бѹдетъ рать дома» (6605 / 1097) – тема (1) соотносится с информацией, изложенной в рамочной конструкции и в то же время требует активации когнитивной базы как кн. Василько, так и читателя (именины кн. Святополка Изяславича, в крещении Михаила, приходились на 8 ноября); тема (2.1) соотносится с ремой (1); рема (2.1) представляет собой ответную реакцию (отказ) на прескрипцию, выраженную ремой (1) – именно поэтому, оценивая ее, летописец указывает, что кн. Василько ѡтопрѣсѣ;

<104> И вышю молчанью, и рече Володимеръ: (1) «(Обращение) Братѣ! (1.1) Ты еси старѣи, (1.2) почни глѣти, (1.3) како быхъ^м промыслили ѡ Рѹсьскон земли». И рече Гѣтополкъ: (2) «(Обращение) Братѣ, (2.1) ты (Р) почни (Т)» (6619 / 1111) – тема (2.1) соотносится с (1.2) (тавтология), рема (2.1) актуализирует информацию о смене субъекта пропозиции сравнительно с названным в (1.2).

Экспликативный диалог:

<105> ІѦнъ же рече: (1) «(1.1) Понстинѣ ажете: (1.2) створиѣ во естъ Бѣ члѣвѣ ѿ земли, (1.3) и съставленъ костми и жилами ѿ крови, (1.4) и нѣ^с в немъ (Р) ничтоже (Т) (Вариант: «(1.4) и нѣ^с в немъ ничтоже (Р)» или «(1.4) и нѣ^с (Р...) в немъ (Т) ничтоже (Р...)»» (1.5) и не вѣстъ (Р) ничтоже (Т), (1.6) только Бѣ единъ (Р) вѣстъ (Т)». ѡна же рекоста: (2) «(2.1) Вѣ два (Р) вѣда еѣѣ (Т), (2.2) како естъ (Р) створенъ члѣвѣ (Т)» (6579 / 1071) – тема (1.5) соотносится с темой (1.4) (тавтология омоформ); рема (1.5) соотносится с (1.4); тема (1.6) соотносится с ремой (1.5) (тавтология без отрицания); рема (1.6) противопоставлена ремам (1.4) и (1.5), субъектом которых является члѣвѣ, названный в (1.2): говорящему важно обратить внимание собеседника на то, что знанием обладает Бог, и больше никто; тема (2.1) соотносится с темой (1.6) и ремой (1.5) (тавтология); рема (2.1) противопоставлена реме (1.6) (контекстуальные антонимы: Бѣ единъ vs. вѣ два).

В результате проведенного анализа удалось установить, что летописное высказывание представляет собой дискретную структуру, которая может быть сегментирована: 1) на коммуникативные составляющие – тему и рему, и 2) на коммуникативно выделяемые компоненты²⁰, входящие в состав коммуникативных составляющих. Средства сегментации летописного высказывания в большинстве случаев совпадают с тем, что обнаруживается в современном русском языке, однако установлены также и признаки, свойственные исключительно коммуникативной структуре летописного высказывания – как в наборе средств, так и в их функционировании. Основными выводами исследования стали следующие:

1. Сегментными маркерами²¹ коммуникативной структуры летописного высказывания являются: а) клитики, б) вопросительные слова, в) полноударные словоформы

²⁰ Коммуникативно выделяемый компонент темы или ремы (ВКТ и ВКР) – компонент коммуникативной составляющей, об особом коммуникативном статусе которого свидетельствует наличие определенных средств его выделения (см. п. 5.9 главы 5 диссертации).

²¹ Сегментный маркер – лексическое средство, маркирующее границу между сегментными коммуникативными единицами (средство сегментации коммуникативных единиц) и/или выделяющее тот или иной сегмент высказывания как коммуникативно значимый.

дательного и винительного падежей личных местоимений 1 и 2 лица (в их противопоставлении энклитикам), г) формы именительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица (в их противопоставлении энклитическим формам вспомогательного глагола **быти**), д) слова контраста, е) формы личных местоимений 1 и 2 лица в качестве подлежащего, ё) обращения, ж) маркеры ренарратива, з) комплексы с частицей **и**, и) лексические и грамматические показатели коммуникативных составляющих (в том числе показатели отрицания и компоненты, выражающие оценочные, в том числе модальные, значения).

Сегментные маркеры

Клитики

См. (2) в <102>, (2.2) в <105>.

Вопросительные слова

См. <101>.

Полноударные словоформы дат. и вин. падежей личных местоимений 1 и 2 лица (в их противопоставлении энклитикам) (на примере дистрибуции форм **миѣ и **ми**)**

Полноударная словоформа **миѣ:**

<106> **Посла Ѡлегъ к радимичѣ^ѣ, рка:** (1) «**Комѣ** (Р) **дань даеѣ** (Т)?» **Ѡни же рѣша:** (2) «**Козаро^ѣ** (Р)». **И рѣ имъ Ѡлегъ:** (3) «(3.1) **Не даванѣ** (ВКР) (Р) **козаромъ** (Т), (3.2) **но миѣ** (ВКР) (Р) **даванѣ** (Т)» (6393 / 885) – дейктик **миѣ** образует рему (3.2), противопоставленную теме (3.1); в состав тактовой группы (3.2) входит также клитика **но**, противопоставляющая (3.2) и (3.1).

Энклитика **ми:**

<107> **Рѣ же имъ Ѡлга, тако:** (1) «<...> (1.2) **но^ѣла** (ВКР) (Р) **оу васъ прошу** (Т): (1.3) **данѣ** (ВКР) **ми Ѡ двора** (Т) **по три голуби и по три воробьи** (Р) <...>» (6454 / 946), <108> **Ѡлегъ <...> вѣ во преже въпрошалъ <...>:** (1) «**Ѡ чего** (ВКР) **ми естъ** (Р) **оумьрети** (Т)?» (6420 / 912), <109> **И ркоша деревляни:** (1) «**Посла ны Деревьскѣа земля, ркѣши сице:** "<...> **Да иди за нашъ князь за Малъ!"**» <...> **Рѣ же имъ Ѡлга:** (2) «**Люба** (ВКР) **ми естъ** (Р) **рѣчь ваша** (Т) <...>» (6453 / 945) – в каждом из случаев **ми** называет субъект или объект, упоминание которого не требует его особого коммуникативного выделения: отсутствует противопоставление другому субъекту или объекту, энклитика не является единственной словоформой, образующей коммуникативную составляющую. В связи с этим коммуникативно выделяемым может оказаться компонент, выражающий какое-либо иное значение (императив **данѣ** выражает ИФ прескриптивного высказывания; **Ѡ чего** – вопросительное слово в составе диктального вопроса; **люба** выражает оценку говорящего, который произносит высказывание именно для того, чтобы дать оценку).

Формы именительного падежа личных местоимений 1 и 2 лица (в их противопоставлении энклитическим формам вспомогательного глагола **быти)**

Местоимение **ѣа:**

<110> **Володимиръ же посла къ Блѣдѣ, воеводѣ Грополчю, с лѣстью глѣ:** (1) «<...> (1.1) **Не ѣа** (ВКР) **во** (Р) **почалъ бра^ѣю бити** (Т), (1.2) **но Ѡнъ** (ВКР) (Р) <...>» (6488 / 980) – говорящему важно противопоставить **ѣа** и **Ѡнъ**, чтобы снять вину с себя и переложить ответственность на другого; оба местоимения коммуникативно выделяются.

Глагольная форма **еси:**

<111> **И рекоша еми:** (1) «(Обращение) **Исакии!** (1.1) **Побѣдилъ** (ВКР) **ны еси** (Р)» (6582 / 1074) – говорящему важно констатировать факт победы, а не сосредоточить внимание на аспектах субъектной перспективы (поэтому актанты пропозиции выражены двумя энклитиками).

Слова контраста (на примере адвербиального использования лексемы **самъ**²²)

«Отсутствие внешней каузации»:

<112> **Ї р'е Дѣдъ къ ѿполюкѣ:** (1) «(1.1) **Видиши** ли: (1.2) **не помнитъ тебе**, (1.3) **хоща в рѣкѣ твоею?** (1.4) **Аще ли ѿидеть въ свою волость**, (1.5) **самъ (ВКР) оузриши** (Р), (1.6) **аще ти не занять городовъ твоихъ** <...> (1.7) **Да поманеши мѧ** <...>» (6605 / 1097) – речевая стратегия кн. Давыда состоит в моделировании предполагаемых в настоящем и будущем сенсорных действий и ментальных состояний собеседника (**видиши – оузриши – поманеши**) в соединении с «навязанными» ему своими оценками событий; говорящему важно создать видимость объективности оценки ситуации, именно поэтому в (1.5) внимание собеседника фокусируется на том, что он увидит происходящее *сам(остоятельно)* (корректировка ожиданий адресата: «это не моя информация, а твоя собственная»).

«Отсутствие посторонней помощи»:

<113> **Федоси же р'е:** (1) «(1.1) **Положите хлѣбъ пред нимъ** (1.2) **и не выкладите в рѣцѣ ему**, (1.3) **атъ самъ (ВКР) ѧстъ** (Р)» (6582 / 1074) – внимание собеседника фокусируется на том, что субъект должен совершать действие *самостоятельно* (корректировка ожиданий адресата: «не вы его кормите, а пусть он сам ест»).

«Отказ от делегирования прав и обязанностей»:

<114> **И почаша ѧсти первое сами, потом же и печенѣзѣ. И оудившасѧ, рекоша:** (1) «(1.1) **Не имѣтъ сему въры наши князи**, (1.2) **аще не ѧдятъ сами (ВКР)** (Р)» (6505 / 997) – (1.2) представляет собой КРА с ИФ «прескрипция» («*Пусть (наши князья) ядят сами*»), внимание собеседника фокусируется на том, что действие должен совершить не говорящий, а другой субъект (корректировка ожиданий адресата: «должны не мы есть, а наши князья»).

Формы личных местоимений 1 и 2 лица в качестве подлежащего

<115> **Ѓнъ же р'е:** (1) «(1.1) **Поистинѣ лжете:** (1.2) **створилъ бо естъ Бѣ члвкъ ѿ земли** <...> (1.3) **и нѣс в немъ ничтоже** (1.4) **и не вѣстъ ничтоже**, (1.5) **токмо Бѣ единъ вѣстъ**». **Ѣна же рекоста:** (2) «(2.1) **Вѣ два** (Р) **вѣдаевѣ** (Т), (2.2) **како естъ створенъ члвкъ**» (6579 / 1071) – коммуникативной целью говорящего, произносящего (2), является опровержение точки зрения собеседника: тот утверждает, что человек **не вѣстъ ничтоже**, волхвы же сообщают о своем знании; необходимость рематического выделения лексемы, называющей субъект, противопоставленный субъекту (1.5), приводит к использованию местоимения в сочетании **вѣ два**; тема (2.1) при этом соотносится со сказуемыми в (1.4) и (1.5),

Обращения

См. <87>-<89>.

Маркеры ренарратива **рци**, **дѣеть**

<116> **Ѣвѣщавши же, Ѣлга р'е къ посло^м:** (1) «(1.1) **Аще ты, рци, (Т) тако^ж постоиши оу мене в Почаниѣ** (Р), (1.2) **тако^ж азъ в Ѣудѣ**, (1.3) **то тогда ти вдамъ**» (6463 / 955).

<117> **Ѣзъва Вѣлш^м меръ волю свою и старци гра^скыя и р'е имъ:** (1) «<...> (1.1) **И чю^ано слыша^т нх:** " (1.2) **Да аще кто, дѣет^а** (Т), **в нашу вѣрѣ ступи^т** (Р) <...> "» (6495 / 987).

Комплексы с частицей **и** (на примере **тако и**)

<118> **И посла Володимиръ къ црви Василию и Костантинѣ, глѧ сице:** (1) «(1.1) **Се гра^а ваю славны възл^х**. <...> (1.2) **Да аще кѧ не вдасте за мѧ**, (1.3) **то створю гра^а вашему**, (1.4) **тако и сему (ВКР) (Р) створи^х** (Т)» (6496 / 988).

<119> **И посл^а къ грѣко^м, глѧ:** (1) «(1.1) **Хощю на вы ити** (1.2) **и взати городъ вашъ**, (1.3) **тако и сии (ВКР) (Р)**» (6479 / 971).

²² В диссертации описываются также случаи контрастного употребления лексемы **самъ** и в других значениях.

<120> **Вни же рекоша ємѹ:** (2) «(1.1) Ты еси ѡцѣ намѣ всѣмѣ: (1.2) да еѡже изволиши самѣ, (1.3) то намѣ бѹдетъ ѡцѣ игѹменѣ, (1.4) и послѹшаємъ еѡ, (1.5) ѡко и тобѣ (ВКР) (Р)» (6582 / 1074).

Лексические и грамматические показатели коммуникативных составляющих (показатели отрицания и компоненты, выражающие оценочные, в том числе модальные, значения) (на примере сочетаний не + модальный глагол)

<121> **Вни же рѣша, ѡко:** (1) «<...> (1.1) Всѣмѣ бо члѣвѣ, (1.2) ѡце преже (Т) вкѹситъ сладка (Р), (1.3) послѣди (ВКТ) же (Т) не можетъ (ВКР) горести приати (Р) <...>» (6495 / 987) – тема (1.3) соотносится с темой (1.2); произнося (1.3), говорящий преследует цель сообщить о *невозможности* осуществить иное, чем описанное в (1.2).

<122> **Наоутрѣна же бывшю, присла Ѣтополкѣ, река:** (1) «Не ходи (ВКР) (Р) ѡ именинѣ монѹхѣ (Т)». **Василко же штопрѣсѣ, река:** (2) «Не могѹ (ВКР) (Р) ждати (Т) <...>» (6605 / 1097) – тема (2) соотносится с ремой (1) (ждати означает не ходити); рема (2) устанавливает *невозможность* совершения того, что названо в теме (2).

<123> **Ї нача Ѣтополкѣ глѣти:** (1) «Встани на сѣ^{бѣ}токѣ». **И рече Василко:** (2) «Не могѹ (ВКР) (Р), (Обращение) братѣ, встати (Т) <...>» (6605 / 1097) – актуальное членение (2) осуществляется при помощи обращения; произнося (2), говорящий оценивает просьбу собеседника как *невозможную* для осуществления.

2. Летописному высказыванию свойственно использование определенного набора средств введения темы (тавтологии; однокоренные слова; синонимы; контекстуальные синонимы; антонимы; контекстуальные антонимы; слова, называющие однородные объекты; синсемантическая лексика; реляторы; показатели посессивных отношений; местоименные слова в анафорической, кванторной и дейктической функциях), зачастую образующих определенные «комплексы» в составе одной темы.

Средства введения темы

Тавтологии

См. (3.1) в <106>.

Однокоренные слова

См. (2) в <109>.

Синонимы (в т.ч. контекстуальные)

<124> **И ркоша ємѹ богаре:** (1) «(1.1) Посли к немѹ дары (Р), (1.2) искѹсимѣ и, (1.3) любезниѣ (ВКР) ли єсть (Р) златѹ или паволока^м (Т)» (6479 / 971) – дары = златѹ или паволока^м.

Антонимы (в т.ч. контекстуальные)

См. (1.3) в <121>.

Слова, называющие однородные объекты

<125> «<...> (1.4) а свинины (ВКТ) (Т) не ѣсти (ВКР) (Р), (1.5) а вина (ВКТ) (Т) не пити (ВКР) (Р) <...>» (6494 / 986) – свинины – вина.

Синсемантическая лексика

<126> «(1.1) Земля наша (Т) велика и ѡбиана (Р), (1.2) а нарада въ ней (Т) нѣтъ (Р) <...>» (6370 / 862) – земля – нарада – земля мыслится как объект, который должен быть (об)устроен, т.е. иметь *наряд*.

Реляторы

<127> Ркоша же дѣревѣнѣ: (1) «(1.1) Се князѣ рѣкаго (Т) оубихомъ (Р). (1.2) Понимѣмъ (Р...) женѣ его Ѡлгѣ (Т) за князѣ свои Малѣ (Р...) <...>» (6453 / 945) – князѣ рѣкаго – женѣ его (Ѡлгѣ).

Показатели посессивных отношений

<128> Сѣзва Вѣлѣмѣрь бояры свои и старци граѣския и рѣ имѣ: (1) «<...> (1.1) Снѣ же послѣмѣ прихѣмѣша и греци, (1.2) хѣлѣще (Р) всѣ законы (Т), (1.3) свои (ВКТ) же (Т) хвалѣще (Р) <...>» (6495 / 987) – всѣ законы – свои.

Местоименные слова в анафорической функции

См. (2) в <101>.

Местоименные слова в кванторной функции

<129> И рѣ ІѦнь к повозникомъ: (1) «Ци кому вѣсть родинѣ оубѣенѣ Ѡ сею?» Ѡни же рѣша: (2) «(2.1) Мнѣ (Т) мѣти (Р), (2.2) а другомѣ (ВКТ) (Т) сестра (Р), (2.3) иномѣ (Т) родичѣ (Р)» (6579 / 1071) – мнѣ ≠ другомѣ ≠ иномѣ.

Местоименные слова в дейктической функции

См. (2.1) в <129>.

Комплексы средств введения темы²³

Однокоренное слово + местоименный показатель посессивности

См. (2) в <109>.

Синсемантическая лексема + местоименное слово в анафорической функции

См. (1.2) в <126>.

Тавтология + релятор + местоименный показатель посессивности

<130> І рѣша емѣ мужи смыслѣни: (1) «(1.1) Не кушансѣ (Р) противѣ имѣ (Т), (1.2) ѡко мало (ВКР) (Р) имаши вои (Т)». Ѡни же рѣ имѣ: (2) «(2.1) Имѣю штрокъ своихѣ (Т) и сотѣ (Р) <...>» (6579 / 1071) – имаши вои – имѣю штрокъ своихѣ.

3. Установлено, что при одновременном использовании в одной коммуникативной составляющей нескольких средств коммуникативного выделения разных компонентов один из сегментных маркеров может быть определен как более «сильный»²⁴: как следствие, в качестве коммуникативно выделяемого собеседником должен быть оценен компонент, с которым сочетается «сильный» сегментный маркер (при наличии в высказывании «сильных» сегментных маркеров «слабые» сегментные маркеры и компоненты, с ними связанные, или «вытесняются» с позиции ВКР, или обнаруживаются в теме).

²³ Список и описание типовых комплексов см. в п. 5.20.14 главы 5.

²⁴ К «сильным» сегментным маркерам относятся вопросительные слова, местоимения-подлежащие, полноударные словоформы дательного и винительного падежей личных местоимений 1 и 2 лица, комплекс с частицей **и**, слово контраста **самѣ**; к «слабым» – показатели оценки, отрицания и модальности.

Шкала значимости средств оформления коммуникативной структуры (А – «сильный» сегментный маркер vs. Б – «слабый» сегментный маркер)

Вопросительное слово (А) + отрицание + оценочное слово (Б):

<131> «Кто (ВКР) сѣмѹ не ра^А(Р)? <...>».

Вопросительное слово (А) + модальное слово (Б):

<132> «Како (ВКР) могѹ (Р) сѣ азъ створити (Т), ротѣ с ними ходивъ?»,

<133> «Како (ВКР) мѡ (Р) хощеши понѡти (Т) <...>?»,

<134> «Что (Р) хощеши оу на^с (Т)? <...>».

Местоимение-подлежащее (А) + модальное слово (Б):

<135> «Азъ (Р) могѹ (ВКТ) прѣнти (Т)».

Полноударная форма местоимения + комплекс с частицей и (А) + отрицание (Б):

<136> «<...> аще быша и мене (ВКР) не гали (Р) <...>».

Слово контраста самъ (А) + отрицание (Б):

<137> «(1.1) Не имѹтъ сѣмѹ вѣры наши князи, (1.2) аще не гадѡтъ сами (ВКР) (Р)».

4. Особенности использования клитик в летописном высказывании определяются задачами создания его коммуникативной структуры: а) сочетания проклитик, полупроклитик и энклитик с полноударными формами образуют тактовые группы – сегменты высказывания, равные одной *к*-составляющей (или части *к*-составляющей), б) большинство проклитик и сильные фразовые энклитики используются в качестве строевых средств, оформляющих высказывание в качестве коммуникативной единицы, в) выбор между слабой фразовой энклитикой и полноударной формой, выражающими одно и то же синтаксическое значение, обуславливается коммуникативным намерением говорящего выделить или **не** выделить данный член предложения в качестве коммуникативно выделяемого компонента, г) сочетание слабой энклитики и полноударной формы, выражающих разные синтаксические значения, позволяет вывести на «первый коммуникативный план» член предложения, выраженный полноударной формой. Решение перечисленных задач является основной причиной того, что летописным высказываниям свойственно такое использование в них фразовых энклитик, которое отражает следование нормам, описываемым законом Вакернагеля, Правилем Рангов и Правилем Барьера.

Наиболее примечательны в этом отношении высказывания с **факультативными барьерами**: их возникновение связано с коммуникативным выделением сегмента, собственно и вызывающим появление барьера; образовывать такие сегменты (= **темы** или **ремы** высказываний) могут различные члены предложения.

Подлежащее со значением субъекта-пациенса:

<138> И ркоша деревлани: (1) «<...> "(1.1) Мѹжа твоего оубихомъ, (1.2) вѣшетъ во мѹжь твои, яко волкъ, вѣсхыщаа и граба, (1.3) а наши (ВКТ) князи (Т) // добри (ВКР) сѹтъ (Р) <...>» (6453 / 945) – см. (1.3).

Обстоятельство места:

<139> И вѣше видити радость велика на нѣси и на земли, толико дѣшъ спѣаемыѣ, а дѣволъ стѣнаше, гл҃а: (1) «(1.1) Оубы мнѣ, (1.2) яко ѿсюду (Т) // прогонимъ (ВКР) есмь (Р)! <...>» (988) – см. (1.2).

Обстоятельство времени:

<140> И рѣ варѣгъ: (1) «(1.1) Не сѹт то бѣи, (1.2) но древо. (1.3) Днѣ (Т) есть (Р), (1.4) а оутро (ВКТ) (Т) // изъгнито (ВКР) есть (Р) <...>» (6491 / 983) – см. (1.4).

Обстоятельство меры и степени:

<141> И присла к неи цѣрь грѣцкыи, гл҃а, тако: (1) «(1.1) Много (Р) // дарихъ (ВКТ) тѣ (Т) <...>» (6463 / 955) – оценка высказывания как расчлененного связана именно с наличием барьера: тема, включающая энклитику, содержит апелляцию к когнитивной базе собеседников (речь о событии в прошлом, в котором они участвовали), а рема актуализирует оценку говорящего.

Характерно, что в тексте диссертации коммуникативная структура высказываний с факультативными барьерами была установлена ранее на основании других признаков, а именно – наличия сегментных маркеров – и, как оказалось, особенности этой структуры находят свое подтверждение в следовании Правилу Барьера. Таким образом, на основании полученных данных можно сделать вывод, что **Правило Барьера является средством создания определенной коммуникативной структуры высказывания.**

5. Порядок слов в летописных высказываниях является средством актуального членения: вариативность порядка слов позволяет изменять коммуникативную структуру высказывания, сохраняя его семантическую структуру. В частности, это касается употребления согласованных определений.

В подавляющем большинстве случаев согласованные определения, выраженные местоименными словами в дейктической и анафорической функциях, а также нарицательными прилагательными в номинативной функции, постпозитивны по отношению к главным компонентам. Их препозитивное использование является редким и в подавляющем большинстве случаев связано с таким отношением данного высказывания к предшествующим с учетом релевантности произносимого, которое позволяет оценить определение в качестве коммуникативно выделяемого компонента.

²⁵ Приводится несколько примеров из обширного списка типовых случаев, рассмотренных в п. 5.23 главы 5.

Определения в дейктической функции (препозитивное использование):

<142> **Гѣнь же** <...> р'е имъ: (1) «(1.1) **Выданте** волхѡва та сѣмо, (1.2) **ѡко смерда еста** (Т) **мо его** (ВКР) **кнѡзѡ** (Р)» (6579 / 1071) – обоснованность требования Яня Вышатича связана с тем, что волхвы являются смердами именно *его* князя (в противном случае выдать их было бы нельзя);
<143> **Дѣдъ же на Гѣпопка нача извѣтъ творити, гѣл:** (1) «(1.1) **Ци ѡ** (ВКР) (Р) **се створи** (Т), (1.2) **ци ли оу моемъ** (ВКР) **городѣ** (Р)? <...>» (6605 / 1097) – кн. Давид пытается оправдаться, указывая, что злодеяние свершилось не в *его* городе (он не несет ответственности за то, что произошло не в *его* городе).

Определения в анафорической функции (препозитивное использование):

<144> **Федосии же** р'е имъ: (1) «(1.1) **Да аще ѿ мене хощете игумена приати**, (1.2) **то азъ створю вамъ**, (1.3) **но не по своему** (ВКР) **изволенію** (Р), (1.4) **но по Бжю** (ВКР) **строению** (Р)» (6582 / 1074) – противопоставляется *свое* изволение и *Божие* строение.

Согласованным определениям-кванторам – речь идет о лексемах **всѣ**, **всѣмъ**, **единъ**, **инъ**, **которыи** **любю**, – наоборот, свойственно препозитивное по отношению к определяемому компоненту местоположение. Использование кванторов в постпозиции является крайне редким, и в каждом из случаев может быть объяснено особенностями коммуникативной структуры высказывания.

Определения в кванторной функции (постпозитивное использование):

<145> **И р'е Редѣла къ Мьстиславу:** (1) «<...> (1.1) **Да аще ѡдолѣшь ты**, (1.2) **и возмеш имѣннѣ мое**, (1.3) **и жену мою**, (1.4) **и землю мою**. (1.5) **Аще ли азъ ѡдолѣю**, (1.6) **то возмю** (ВКТ) (Т) **твое** (ВКР) **все** (Р)» (6530 / 1022) – прямое дополнение-дейктик **твое** передает информацию коммуникативно более значимую, чем определение-квантор **все**: дополнение противопоставлено произнесенному ранее **имѣннѣ мое**, **и жену мою**, **и землю мою** и м.б. оценено как коммуникативно выделяемый компонент.

Наконец, согласуемые местоименные слова в катафорической функции всегда препозитивны, и это связано с тем, что именно они оформляют иллокутивные функции диктальных вопросов и, будучи «вопросительными словами», являются коммуникативно выделяемыми компонентами.

Определения в катафорической функции:

<146> **І р'е емю Изславъ:** (1) «<...> (1.1) **Первое бо не выгнаша ли мене и имѣннѣ мое разграбнѣша**? (1.2) **И пакы** (ВКТ) (Т) **кую** (ВКР) **виню створи** (Т) **есмь** (Р)? <...>» (6579 / 1071);
<147> **Р'е же има Гѣнь:** (1) «<...> **Которому** (ВКР) **Бѣ** (Р) **вѣруета** (Т)?» (6579 / 1071);
см. также (1.1) в <149>.

Таким образом, летописному высказыванию свойственно такое использование согласованных определений, при котором их местоположение по отношению к определяемому слову связано с особенностями коммуникативного строения высказывания (местоименные слова в дейктической, анафорической и катафорической функциях,

нарицательные прилагательные в номинативной функции) и его семантического строя – референциального статуса актантов и пропозитивного содержания (слова в кванторной и – в ряде случаев – в номинативной функциях). При этом нарушение «обычного» порядка слов в словосочетаниях с согласованными определениями связано с достижением коммуникативных целей говорящего: «перемещение» одного из компонентов (главного или зависимого) в препозицию приводит к его коммуникативному выделению.

5. Анализ всех признаков коммуникативной структуры летописного высказывания позволил нам прийти к следующему выводу: **летописному высказыванию свойственна такая коммуникативная структура, в которой коммуникативной выделенностью обладает начальная его часть.** Об этом свидетельствуют особенности использования вопросительных слов, верифицируемых компонентов, императивов, использование в начальной части высказывания коммуникативно выделяемых компонентов (например, компонентов с отрицанием, модальных слов, личных местоимений 1 и 2 лица), препозиция коммуникативно выделяемых согласованных определений, выраженных местоименными словами в дейктической, анафорической и катафорической функциях, а также нарицательными прилагательными в номинативной функции.

Таким образом, между летописными высказываниями и современной устной (разговорной) речью существует типологическое сходство: порядок слов служит средством коммуникативного выделения компонентов, образующих начальную часть высказывания.

6. Удалось установить, что первую тактовую группу значительной части высказываний образуют компоненты, сочетание которых маркирует высказывание как используемое в определенной иллокутивной функции. В частности, этому способствует использование ряда служебных слов, таких как частицы **да**, **аъ**, союз **аще**, частица **ти**, которую А.А. Зализняк оценивает «как своего рода "усилитель индикативности"»²⁶, частица **се**, использование которой можно оценить схожим образом, а также частица **то**, которая в инициальной позиции регулярно используется в речи только нескольких героев ПВЛ – в репликах кн. Владимира (5 высказываний в статьях 986 и 987 г.г.), в диалогах с волхвами Яня Вышатича, кн. Глеба и не названного по имени новгородца (5 высказываний в статье 1071 г.), а также в репликах кн. Владимира Мономаха (5 высказываний в статьях 1103 г. и дублирующей одну из них статье 1111 г.).

Например, во всех репликах кн. Владимира частица **то** используется в позиции абсолютного начала вопросительного высказывания, занимающего позицию первого речевого

²⁶ Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М., 1993. С. 299.

шага в реплике (4 диктальных вопроса, 1 модальный вопрос). При этом в 4 случаях данные высказывания позволяют говорящему продолжить информативный диалог (в <149>-<151> он задает «дополнительные» вопросы, услышав ответы на вопросы, заданные ранее), а в одном – завершить его, дав оценку сказанному (в <148> вопросительное высказывание используется как КРА).

Использование частицы **то** в речи кн. Владимира

<148> **Вни** же рѣша: «Разъгнѣвалъсѧ Бѣ на ѡтѣци на^ш <...>». Володимиръ же рече: (1) «(1.1) **То** како вы инѣхъ оучите, (1.2) а сами ѡвѣржени Бѣ (Р)? <...>» (6494 / 986).

<149> **И** нача философъ гл҃ти сице: «<...> **И** ино мно҃ прорѣчества ѡ немъ же, и събытсѧ все». Рече же Володимиръ: (1) «(1.1) **То** въ кое время събытсѧ се? (1.2) **И** было ли се есть? (1.3) **Е**гда а ли тогѣрво хоцѣ^т быти се (Т)?» (6494 / 986).

<150> **Вни** же рѣша: «Ѡвѣзатисѧ и свинины не гаси, ни зааачины, сѣботу храниши». **Внѣ** же рече: (1) «**То** кде есть земля ваша?» **Вни** же рѣша: (2) «**Вѣ** Иерлѣмѣ» **Внѣ** же рече: (3) «**То** тамо ли есть?» **Вни** же рѣша: (4) «Разъгнѣвалъсѧ Бѣ на ѡтѣци на^ш и расточи ны по страна^м <...>» (6494 / 986).

<151> Ѡвѣщавъша же **вогарѣ** и рѣша: (1) «(1.1) **А**ще лихъ вы законъ грѣчкын, (1.2) то не вы баба твоя **Ѡ**лга приала крѣщения, (1.3) таже вѣ мѹдрѣиши вси^х члѣвкѣ». Ѡвѣщав же, Володимиръ рече: (2) «**То** кде крѣщение приемѣ?» **Вни** же рѣша: (3) «**К**дѣ ти любо» (6495 / 987).

Подобного рода особенности дистрибуции служебных слов способствуют не только установлению речевого портрета летописного героя, но и могут быть использованы в качестве маркера при стратификации текста в целом.

7. Установленная характеристика первой тактовой группы летописного высказывания – способность маркировать иллокутивную функцию высказывания – позволила нам ввести понятие **иллокутивной рамки** высказывания и описать основные ее разновидности.

7.1. Иллокутивную рамку высказываний с иллокутивной функцией «частичный диктальный вопрос» образуют местоименные слова в катафорической функции (см. (1) в <101>).

7.2. Иллокутивную рамку высказываний с иллокутивной функцией «частичный модальный вопрос» образуют верифицируемые члены предложения в сочетании с энклитикой **ли** (см. (2) в <102>).

7.3. В речи нескольких персонажей в иллокутивных рамках высказываний с иллокутивной функцией «вопрос» используется проклитика **то** (см. <148>-<151>).

7.4. Иллокутивную рамку высказываний с иллокутивной функцией «прескрипция» образуют сказуемые, выраженные формами императива и формами 1 лица дв. или мн. числа настоящего-будущего времени индикатива с проклитикой **да** и полупроклитикой **а**тъ (см. (1) в <109>).

7.5. Отсутствие средств, указанных выше, позволяет понять, что иллокутивная функция высказывания определяется как одна из разновидностей «сообщения» (т.е. **не** «вопрос» и **не** «прескрипция»).

7.6. В иллокутивных рамках высказываний, иллокутивная функция которых определяется как одна из разновидностей «сообщения», используются «усилители индикативности» – энклитика **ти** и проклитика **се** (вне зависимости от того, какой член предложения входит в первую тактовую группу высказывания) (см. (1.1) в <118>).

7.7. Иллокутивная функция «сообщение» может быть детализирована при помощи ряда средств. Например, иллокутивную рамку высказываний с иллокутивной функцией «оценочное суждение» образуют лексемы с оценочными значениями, в т.ч. часто в сочетании с проклитикой **не** (см. (2) в <103>).

Следует учесть, что летописные высказывания регулярно используются в качестве косвенных речевых актов и, соответственно, в таких случаях иллокутивная рамка не указывает на «настоящую» иллокутивную функцию высказывания (как это происходит с вопросительными высказываниями; см. <77>-<81>).

Таким образом, регулярное использование иллокутивной рамки является еще одним свидетельством того, что **начальная (инициальная) часть летописного высказывания играет особую роль в организации его коммуникативной структуры.**

8. Коммуникативные составляющие летописного высказывания включают компоненты, которые обладают большей или меньшей коммуникативной выделенностью, о чем свидетельствует ряд признаков: а) использование в одной тактовой группе компонентов, *способных vs. не способных* к коммуникативному выделению (*полноударные формы vs. клитики*), б) выбор одной из дублетных форм, определяемый *необходимостью vs. отсутствием необходимости* ее коммуникативного выделения, в) порядок слов в пределах коммуникативной составляющей, обусловленный необходимостью выделения инициального компонента, г) инверсия в словосочетаниях с согласованными определениями, позволяющая вывести на «первый коммуникативный план» один из компонентов коммуникативной составляющей. Таким образом, **коммуникативной структуре летописного высказывания свойствен коммуникативный динамизм.**

9. Летописному высказыванию свойственно отсутствие обязательного параллелизма:

а) информационной и коммуникативной структур (так, эллипсису подвергается тема высказывания, включающая члены предложения, называющие компоненты пропозиции, обязательные с точки зрения пропозитивной структуры; при этом рему высказывания могут образовывать члены предложения, называющие компоненты пропозиции, не являющиеся обязательными с точки зрения пропозитивной структуры; см. (2), (3) в <1>);

б) синтаксической и коммуникативной структур высказывания: почти любой член предложения может находиться в препозиции или постпозиции по отношению к остальным членам, и связано это с тем, что он используется в качестве единственного члена предложения, составляющего тему или ремю высказывания (см. п. 5.25.2 главы 5) (в частности, главный и зависимый компоненты словосочетания могут находиться в разных коммуникативных составляющих, при этом зависимый компонент может обнаружиться как в теме, так и в реме; в разных коммуникативных составляющих оказываются компоненты, образующие один член предложения (составное именное сказуемое или составное глагольное сказуемое) или аналитическую глагольную форму; см. (2) в <103>, (1.5), (2.2) в <105>, (1), (3.1), (3.2) в <106>).

10. Особый раздел *пятой главы* посвящен высказываниям, определение коммуникативной структуры которых проблематично. Сложности обнаруживаются при сегментации высказывания на то или иное количество коммуникативных составляющих, при определении границы между коммуникативными составляющими, при определении их статуса и при определении в их составе коммуникативно выделяемых компонентов.

Шестая глава исследования «Человек и его речь: речевое поведение, речевой портрет, речевые жанры летописного коммуниканта» посвящена различным аспектам речевой деятельности летописных персонажей.

Пристальное внимание летописца к речевой деятельности персонажей ПВЛ отражает общее для древнерусской книжности свойство – ее **антропоцентричность**. Летописный нарратив – это преимущественно рассказ о поступках исторических деятелей Древней Руси. И крайне важно, что их поступки в большинстве случаев связаны с их речью: «летописные» события, происходящие во внеязыковой действительности, представляют собой результат речевых действий персонажей. Неудивительно, что речевая деятельность летописных героев, и в первую очередь князей, становится объектом оценок повествователя – как эксплицитных, так и имплицитных, выводимых читателем (слушателем) в результате вдумчивого «подразумевающего» – по терминологии А.С. Демина²⁷ – чтения (слушания).

Умение говорить осознавалось летописцем как необходимое качество социально значимого лица. В ряде случаев включение в текст диалогических фрагментов и способ описания в них коммуникативных событий связаны, на наш взгляд, с желанием летописца представить образцовое речевое поведение героя, как это происходит, например, в диалоге кн. Глеба и волхва, смутившего умы многих новгородцев:

²⁷ Демин А.С. «Подразумевающее» повествование в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12. М., 2005.

<152> И раздѣлишасѧ надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его сташа оу епѣпа, а людье вси идоша за волхву. И бы мѧтежь великъ вельми. Глѣбъ же возма топоръ подѣ скѣтъ и приде к волхвѣ и рече ему: (1) «То веси ли, что оутрѣ хочетъ быти, что ли до вечера?» Унѣ же рече: (2) «Все вѣдаю». И рече Глѣбъ: (3) «То вѣси ли, что ти хочетъ днѣ быти?» Унѣ же рече: (4) «Чюдеса велика створю». Глѣбъ же выня топоръ и роста и и паде мртѣвъ, и людие разнидошасѧ (6579 / 1071). Кн. Глеб задает модальные вопросы (1) и (3) (суть ответа сводится к подтверждению или опровержению высказываемого предположения), прогнозируя «положительные» ответы оппонента (2) и (4) (другие попросту невозможны: у волхва нет выбора, он должен соглашаться с князем, подтверждая свои чудесные способности). После того как князь добился от волхва необходимых ответов, он опровергает их неоспоримым «аргументом». Этот окончательный вердикт-жест (князь убивает волхва топором) представляет собой и опровержение слов оппонента (вместо великих чудес тот оказался убит), и его наказание. При этом целью князя было не переубедить волхва, а разубедить легковерных новгородцев в том, что кудесник обладает чудотворной властью. И это ему удастся именно за счет правильно построенного «диалога». Очевидно, что топор, упомянутый в самом начале фрагмента, был взят неслучайно (он, как и чеховское ружье на стене, должен был «выстрелить», иначе его не следовало упоминать): князь продумал то, как он будет разговаривать с оппонентом и чем закончится выяснение отношений между ними. В данном случае князь выполнил свою социальную функцию (государственная власть над людьми), а способ, к которому он прибег, вызвал восхищение у летописца, включившего эту историю в ПВЛ.

Оценки летописца проявляются в отборе материала и в особенностях его изложения. Так, древнерусский книжник описывает **типовые коммуникативные ситуации**, в которых проявляется тот или иной способ **речевого поведения** персонажа, и оказывается, что это поведение может быть правильным или неправильным, соответствуя или не соответствуя определенным нормам. В частности, регулярно рассказывается о **кончине** князя, и одним из элементов этого рассказа является изложение предсмертных речей персонажа. В результате проницательный читатель (слушатель) может «вывести» модель правильного поведения – по отношению к смертному часу в целом и по речевому поведению в частности: становится понятным, *что* и *как* должно и **не** должно говорить. При этом читательская оценка «поверяется» через летописный текст, в котором сообщается о том, как отнеслись к кончине князя его современники и потомки (в том числе и рассказчик-летописец). В тех же случаях, когда подобное сообщение не обнаруживается, это также оказывается значимым: отсутствие оценки показывает отсутствие интереса к данному историческому деятелю, и вызвано оно неправильным его поведением – такую импликацию, на наш взгляд, должен вывести проницательный читатель (слушатель) ПВЛ (см. п. 6.1 главы 6).

Авторские оценки речевого поведения персонажей связаны с определенными характеристиками этих персонажей как языковых личностей. Существенно, что проявляются эти характеристики должны в разных коммуникативных «обстоятельствах». Так, одним из необходимых свойств вступающего в коммуникацию персонажа ПВЛ, по мысли летописца, является **умение слушать**, определяющее успешность достижения им как тактических коммуникативных целей, так и стратегического перлокутивного эффекта. Необходимость

иллюстрировать важность этого качества становится одной из причин включения в ПВЛ целого ряда диалогических фрагментов: оказавшись в «сложной» коммуникативной ситуации, в которой точное определение речевого замысла собеседника неочевидно (слова собеседника «маскируют» некоторое намерение, идущее вразрез с интересами слушающего), коммуникант, проявив **проницательность**, не только избегает нежелательных последствий, но и добивается успешного для себя исхода дела в целом. Наоборот, отсутствие проницательности и, как следствие, неточная **интерпретация** слов собеседника приводит коммуниканта к печальному итогу, что доказывается целым рядом летописных диалогических фрагментов (в частности, достаточно вспомнить диалоги с участием кн. Ольги) (см. п. 6.2 главы 6).

Коммуниканты ПВЛ принадлежат разным социальным слоям и играют разные социальные роли. Летописец приводит диалогические фрагменты, описывающие разнообразные коммуникативные события, которые различаются помимо прочего составом участников. В связи с этим становится возможным определить некоторые характеристики **речевого портрета** летописного коммуниканта, принадлежащего той или иной социальной группе. В частности, такую группу образуют летописные **женщины**, участие которых в летописных коммуникативных событиях является относительно редким (7,4% от общего числа непереводаемых диалогических фрагментов). В результате анализа этих коммуникативных событий (см. п. 6.3 главы 6) удалось установить, что коллективный **женский речевой портрет** не отражает каких-либо особенностей речевого поведения, которые могли бы быть объяснены в **гендерном аспекте**: вполне естественно, что летописные женщины вступают в коммуникацию в социальных ролях, свойственных женщинам (*матери, дочери, сестры, невесты, жены, вдовы*), и общаются на темы, связанные с этими ролями, однако это никак не отражается на их речи. В то же время удалось установить, что наиболее активный коммуникант-женщина – кн. Ольга – обладает индивидуальным речевым портретом, отличающем ее как коммуниканта от всех остальных персонажей ПВЛ, однако связано это не с ее гендером, а с ее личностью: будучи выдающимся историческим деятелем, она является и выдающимся оратором. Анализ речевого поведения кн. Ольги показывает, что, используя материал ПВЛ, вполне возможно определить «речевые штрихи», на основе которых с достаточной полнотой «реконструируется» речевой портрет летописного персонажа: в различных коммуникативных событиях – в общении с разными собеседниками, в разное время, в разных своих социальных ролях – кн. Ольга проявляет качества, которые свидетельствуют о цельности ее языковой личности. Эти качества – информированность, продуманность речевых стратегий, быстрая и точная реакция на речевые действия собеседника, умелое использование разнообразных рече-поведенческих тактик (см. <153>),

апелляция к чувствам и логике собеседника и удачная аргументация, следование моделям коммуникативного поведения, которые определенным образом маркируют социальную роль говорящего и при этом наиболее выгодную для него в данных коммуникативных условиях – все эти качества иллюстрируются совокупностью диалогических фрагментов, в которых кн. Ольга выступает в качестве коммуниканта, и, таким образом, можно еще раз констатировать, что авторский отбор материала и особенности его изложения отражают интерес книжника к **языковой личности** персонажа.

Примеры рече-поведенческих тактик (РПТ) кн. Ольги

<153> <...> И ркоша деревляни: (4) «<...> " <...> Да иди за нашъ князь за Малъ!"» – бѣ бо е мѹ имѧ Малъ, князю деревьскомѹ. Рѣ же имѣ Волга: (5) «(5.1) Люба ми естъ рѣчь ваша. Оүже мнѣ своего мѹжа не крѣсити. (5.2) Но хощю вы почтити наоутѣрѣа пре^а людьми своими, а нынѣ идете в лодю св^ю и лажьте в лоды величающеса. Азъ оутро пошлю по вы, вы же рѣте: «Не ѣдемъ ни на конехъ, ни пѣши идемъ, но понесете ны в лоды», и възьнесутъ вы в лоды». И ѿпусти а в лодю (6453 / 945).

РПТ «уклончивый ответ» реализуется в (5.1): высказывание кн. Ольги содержит оценочное суждение «Люба ми естъ рѣчь ваша» и констатацию факта «Оүже мнѣ своего мѹжа не крѣсити». Оценка релевантности их произнесения в качестве ответа на предложение позволяет вывести имплицатуру «Я согласна». Однако существенно, что это высказывание не содержит вербально выраженных взятых на себя обязательств: в случае необходимости говорящий будет иметь возможность утверждать, что он своего согласия не давал.

РПТ «отложенное согласие» реализуется в (5.1) и (5.2): соотнося два этих речевых хода, собеседник должен понять, что согласие, выраженное (5.1), «вступит в силу» только после выполнения им требований, изложенных в (5.2).

РПТ «двусмысленное высказывание» реализуется в (5.2): «честь», предлагаемая кн. Ольгой, может быть истолкована двояко – как описание почестей, воздаваемых послам, и как описание похорон.

Внимание летописца сосредоточено на тех областях речевой деятельности персонажей, которые являются социально значимыми, а потому персонажи ПВЛ регулярно произносят речи, которые можно отнести ко вполне определенным **речевым жанрам**. Так, значительную роль в жизни летописного героя играет **молитва** (см. п. 6.4 главы 6). Молитва произносится в ключевые моменты различных событий, и развитие этих событий в первую очередь связано с тем, происходят ли они по молитвам персонажей. Анализ летописных молитв позволил установить их характерные признаки: а) выделены «субжанры» молитвы, связанные с целеустановками молящегося (хвалебные, просительные, покаянные, благодарственные и ходатайственные молитвы); б) определено, что одна реплика персонажа может включать несколько «субжанров» молитвы; в) установлено, что летописные молитвы бывают частными и общественными, открытыми и тайными, дневными и ночными, однократными и регулярно произносимыми; г) молитвы сопровождаются невербальными знаками (определенными жестами, мимикой, позами, телодвижениями), при этом тип используемого знака зависит от

«субжанра» молитвы; также молитвы сопровождаются совершением определенных дел (милостыня, пожертвование, возведение церквей); д) молитвы имеют традиционный характер, часто включают цитаты из авторитетных источников (в их исходном виде или трансформированном сообразно особенностям субъектной перспективы молитвы). Анализ материала позволил установить, что наряду с **прямыми молитвами**, жанрообразующими признаками которых является употребление обращений и глагольных форм ирреальных наклонений, летописные персонажи произносят **непрямые молитвы**, в которых обращения отсутствуют, а адресат молитвы называется одним из членов предложения (чаще всего подлежащим). Произнося непрямую молитву, говорящий уверяет себя промыслу Божию: форма не прямой молитвы объективизирует модальность долженствования, редуцировав активность говорящего как лица, высказывающего *свое* желание.

Прямые (ПМ) и непрямые (НПМ) молитвы

Просительная молитва

Ср. ПМ <154> «"Кровь брата моего вопиеть къ тобѣ", Влѣко! Мьсти ѿ крови правѣднаго сего <...>» и НПМ <155> И рекоша богаре и людье: «<...> Аще ли не право глаголахъ Давыдъ, да приметь мечь ѿ Бога и ѿвѣщаетъ предъ Бѣмъ».

См. также НПМ <156> Василко же <...> помысливъ си, перехрестисѧ, река: «Вола Гни да вудеть» (6605 / 1097) (ср. с Гни, да вудеть вола твоѧ).

Ходатайственная молитва

Ср. ПМ (2) в <157> «Гни Гсе Хсе! (1) <...> тако и мене сподоби прияти стрѣтъ. Се же не ѿ противныхъ принимаю, но ѿ брата своего, (2) и не створи емѹ, Гни, в семь грѣха» (6523 / 1015) и НПМ (2) в <158> Но шбаче любаше Волга сѧ своеѣ Стѣслава, ркѹщи: «(1) Вола Бѣни да вудеть. (2) Аще Бѣ въсхощеть помиловати родѹ моего и земли Рѹкыѣ, да възлѣтъ имѣ на срѣце ш братити къ Бѣ, такоже и мнѣ Бѣ дарова» (955).

Хвалебная молитва

См. НПМ <159> И си слышавъ, Володимеръ (Лавр.: рѣ): «Аще се истина вудеть, поистѣнѣ великъ Бѣ крѣтъанескъ». И повелѣ крѣтитисѧ (6496 / 988).

Благодарственная молитва

Ср. ПМ <160> Въ днь бо Въздвижения Всеславъ <...> рѣ: «Ѿ крѣте чѣтныи! Понеже к тобѣ въровахъ, избави мѧ ѿ рова сего» (6576 / 1068) и НПМ <161> Видив же се Володимеръ напрасно е исцѣление и прослави Бѣ, рекъ: «То первое оувидѣхъ Бѣ истиннаго» (6496 / 988).

Включение в текст молитвы является одним из оценочных средств, используемых летописцем: в ПВЛ молитвы возносят положительно оцениваемые персонажи. Крайне важно, что в подавляющем большинстве случаев молитва летописного персонажа оказывается услышанной. Таким образом, летописец и в этом случае стремится к достижению одной из своих задач: летопись мыслится как текст, имеющий **дидактическое назначение**, связанное с «воспитанием» одного из адресатов – нынешнего или будущего

князя, который должен ознакомиться с примерами княжеского поведения, в том числе и речевого, и узнать, каким из них необходимо следовать.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования. В частности, отмечается, что проведенное в различных аспектах исследование речи летописных персонажей позволило установить основные признаки как изображаемого древнерусского дискурса, так и средств его изображения.

1. **Нетождественность.** Нетождественность летописной прямой речи и реальной устной речи проявляется в целом ряде признаков, связанных прежде всего с тем, что прямая речь представляет собой результат письменной речевой деятельности летописца, изображающего устную речевую деятельность персонажей.

2. **Историчность.** Летописный текст отражает представление о коммуникации древнерусского книжника, не только изображающего речь персонажей, но и комментирующего ее в рамочных конструкциях.

3. **Гетерогенность.** Гетерогенность древнерусского дискурса, изображаемого автором ПВЛ, объясняется тем, что он описывает коммуникативные события, связанные с разными областями речевой деятельности коммуникантов в их разных социальных ролях, что требует от них использования различных языковых средств и отражается в особенностях строя их речи, в частности в различном соотношении «книжного» или «некнижного», определяемого тем, какой речевой жанр ими актуализируется. Например, использование обращения маркирует речевой жанр *молитва*; использование глагольных форм с частицей **да**, в том числе императивов, имеет отношение к религиозному дискурсу – встречается в речи духовных лиц или в речи светских лиц, когда они говорят на религиозные темы; прескриптивные высказывания в речи одного и того же говорящего оформляются по-разному в зависимости от типа дискурса – достаточно сравнить прескриптивные реплики кн. Владимира разным адресатам (см. <18>-<21>).

4. **Антропоцентричность.** Антропоцентричность, свойственная древнерусской книжности в целом, проявляется и в ПВЛ: летописец регулярно указывает на то, как определенное событие стало следствием действий персонажа, при этом чаще всего имеются в виду речевые действия. Таким образом, слово, произносимое персонажем, оказывается одной из основных причин исторических событий, и с этим связан интерес автора к личности и ее словам. При этом автору удается создать речевые портреты персонажей, проявляющие цельность своей языковой личности в разных коммуникативных событиях.

5. **Дидактичность.** Одной из целеустановок летописца является «научение» потенциального читателя (слушателя) – нынешнего или будущего князя: в тексте ПВЛ

представлены модели «*правильного*» vs. «*неправильного*» княжеского поведения, в том числе и речевого.

6. **Оценочность.** Дидактичность летописи проявляется в использовании ее автором оценочных средств. В частности, в рамочных конструкциях диалогических фрагментов повествователь регулярно дает оценку тому или иному речевому поступку коммуниканта.

7. **«Подразумевательность».** Оценки летописца не во всех случаях являются эксплицитными. В диалогических фрагментах ПВЛ свойственная древнерусским текстам «подразумевательность» повествования проявляется а) в отборе материала (содержание речи персонажа само по себе характеризует его; например, молятся только «положительные» персонажи), б) в способе его изложения (в степени подробности, в упоминании перлокутивного эффекта; например, произнесение оскорбления во всех случаях приводит самого оскорбляющего к плачевному для него итогу).

8. **Верифицируемость.** Установленные особенности изображенной в ПВЛ речи персонажей верифицируются на основании объективных данных летописного текста: а) диалогические фрагменты содержат реплики, связанные друг с другом отношениями иллокутивного вынуждения, и, как следствие, характеристики одной реплики – наличие эллипсиса, иллокутивные функции высказываний, семантика косвенных речевых актов, коммуникативная структура и т.д. – «проверяются» через соотнесение с «соседними» репликами, б) диалогические фрагменты включают рамочные конструкции, в которых реплики персонажей комментируются летописцем, называющим различные составляющие коммуникативного события, иллокутивные функции высказываний и глобальные иллокутивные функции реплик, перлокутивный эффект, имплицатуры, следование коммуникативным постулатам и т.д.

9. **Целостность и дискретность.** Коммуникативное событие, описываемое в летописных диалогических фрагментах, представлено как явление, обладающее целостностью и дискретностью: целостность единичного коммуникативного события определяется коммуникативными целеустановками собеседников, направленными на достижение перлокутивного эффекта (как правило, он указывается летописцем в рамочной конструкции); дискретность единичного коммуникативного события проявляется в стадийности его развития, которая находит свое выражение а) в сегментации рамочной конструкции на части, описывающие различные этапы коммуникативного события (так, во введении рамочной конструкции рассказывается об экстралингвистической ситуации, подготовительном этапе и этапе говорения; в ремарках – о характеристиках, связанных со сменой субъекта речи и т.д.), и б) во «введении» в текст реплик, последовательность появления которых обусловлена динамикой развития диалога.

10. **Сегментируемость.** Дискретность, свойственная коммуникативным событиям, служит основанием последовательной сегментации речевого потока на коммуникативные единицы различной степени сложности, выделение которых производится в статическом (структурном) и динамическом аспектах восприятия объектов речевой деятельности.

11. **Отсутствие параллелизма** информационной, синтаксической и коммуникативной структур.

12. **Эгоцентричность.** Речь персонажей ПВЛ эгоцентрична. Наиболее показательным в этом отношении является употребление дейктиков: в отличие от нарративных фрагментов, в прямой речи в большинстве случаев «точкой отсчета» в субъектной перспективе и хронотопе высказывания является говорящий.

13. **Полифункциональность сегментных единиц.** Базовым свойством речи летописных персонажей является полифункциональность, свойственная различным сегментным единицам (иллокутивно полифункциональные высказывания, обладающие пропозитивным содержанием; обращения, используемые в нескольких функциях одновременно).

14. **Экономия речевых усилий.** Базовым свойством речи летописных персонажей является следование закону экономии речевых усилий. Оно проявляется в разных аспектах: это а) эллипсис членов предложения и составляющих аналитических форм, б) иллокутивно полифункциональные высказывания, в) полифункциональность обращений, г) семантика косвенных речевых актов, д) коммуникативная стратегия использования информативного сообщения вместо верификативного при ответе на модальный вопрос, а также для выражения согласия (отказа) при ответе на прескрипцию (импликатуры выводятся в связи с оценкой релевантности произносимого) (см. <15> и <102>), е) использование стандартных средств введения темы (тавтологии, однокоренные слова, анафорические средства и т.д.) (см. (2) в <101>, (3.1) в <106>, (2) в <109>, (1.3) в <121>, <124>-<129>), ё) использование прецедентных текстов (в том числе афоризмов и цитат), ж) использование речевых формул.

Речевые формулы

«**Тако вѹди**» – используется как реактивная реплика в случае согласия с прозвучавшим предложением, одновременно «ратифицирующая» его:

<162> И рѣ князь печенѣжскыи Претичѹ: (1) «**Вѹди ми дръгъ**». **Внѣ же рѣ**: (2) «**Тако (Т) вѹдї (Р)**» (6476 / 968);

<163> И рѣ Блѹдъ Гѹрополкѹ: (1) «<...> И твори миръ съ бра̑мъ своимъ», **лѣстѣмъ подѣ ни̑мъ**, се рѣ. И рѣ Гѹрополкѹ: (2) «**Тако (Т) вѹди (Р)**» (6488 / 980) и др.

«**Оѹже мнѣ кого-л. не крѣсити**» – произносится в момент примирения с бывшим врагом, констатируя необратимость произошедшего и аргументирующая правильность принимаемого решения; вариативной частью высказывания является позиция дополнения:

<164> И разгнѣвася Іарославъ, и шедъ на Рокъмъ, и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородцѣмъ и рече: (1) «Оуже мнѣ снхъ (Т) не крѣсити (ВКР) (Р)» (6523 / 1015); см. также (5.1) в <153>.

«Не азъ (язъ, я) сделал что-л, но кто-л.» – произносится в тех случаях, когда говорящий снимает с себя ответственность за совершенное действие, которое и сам он, и другие оценивают негативно:

<165> И рече Гѣополкъ: (1) «<...> (1.1) И не язъ (ВКР) (Р) его слѣпилъ (Т), (1.2) но Дѣдъ (ВКР) (Р), (1.3) ївелъ и к собѣ» (6605 / 1097);

<166> И собра Іарославъ варягъ тысящу, а прочихъ вои .м. тысящ и поиде на Гѣополка, нарекъ Бѣга, рекъ: (1) «(1.1) Не азъ (ВКР) (Р) почахъ избивать братью (Т), (1.2) но мнѣ (ВКР) (Р) <...>» (6523 / 1015); см. также (1) в <110>.

15. **Стандартность и регулярность.** Следование закону экономии речевых усилий определяет регулярное использование в речи летописных персонажей стандартных моделей: восприятие коммуникативной ситуации как типовой приводит к активации коммуникативных навыков говорящего и собеседника, что проявляется как в реализации определенного «сценария» коммуникативного события данного типа (например, «сватовство» древлян к кн. Ольге, царя Константина к кн. Ольге, кн. Владимира к царевне Анне), так и в использовании определенных рече-поведенческих тактик (РПТ) (например, сочетание двух РПТ «благоприятный прогноз при осуществлении условия» и «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия» в случае, когда собеседника необходимо «подвести» к принятию «правильного» решения).

РПТ «благоприятный прогноз при осуществлении условия» + РПТ «неблагоприятный прогноз при осуществлении условия»

<167> И посласта к володимерцѣмъ, глща: «<...> Аще хощете за снхъ битиса, да се мы готовы. Аще ли, то выданте враги наша». Гражани же слышавше се и созваша вѣче, и рекоша Дѣдъ людье на вѣчи: «Выдан мужи снѣ. Мы не бьемъса за снхъ, а за тѣ можемъ са бити, а за снхъ не бьемъса. Аще ли, то ѿворимъ ворота городу, а самъ промышлѣи ѡ собѣ». И неволя бы выдати я (6605 / 1097); см. также (2) в <52>.

16. **Оригинальность.** В прямой речи ПВЛ обнаруживаются признаки, свидетельствующие о том, что изображаемой речи персонажей свойственны особенности, отличающие ее от современной русской устной речи.

Существенно отличается от современного использование ряда пространственных дейктиков: дейктическая функция свойственна показателям местоположения говорящего сдѣ (здѣ), сѣмо и ѡсюду, в то время как лексемы тамо, тѹда и ѡтѹду в подавляющем большинстве случаев используются в анафорической функции (см. п. 2.2.2.8.2 главы 2). Примечательно также, что наречие тѹ в речи персонажей ПВЛ используется в анафорической функции:

Использование наречия **тѹ** в анафорической функции

<168> Р'ѣ Г'ѣосл'въ к'ъ м'ѣрѣ своѣи и к'ъ богаро^м своимъ: «<...> Хочу ж'ти в Переяславци в Дунан, тако то естъ среда зѣмли моѣи, тако **тѹ** вса блага сходятъ^с <...>» (6477 / 969).

Одним из главных свойств летописного высказывания является выбор между «дублетными» формами: использование полноударной формы личного местоимения связан с ее коммуникативным выделением, а использование синонимичной ей слабой энклитики (косвенного падежа личного местоимения и форм вспомогательного глагола **быти**) позволяет вывести на «первый коммуникативный план» какой-либо другой компонент коммуникативной структуры. Схожим образом объясняется выбор между конструкцией с подлежащим, выраженным личным местоимением 1 или 2 лица, и конструкцией без подлежащего.

Организация коммуникативной структуры летописного высказывания связана с реализацией норм словорасположения, описываемых законом Ваккернагеля, Правилом Рангов и Правилом Барьера. Соответственно, наблюдаются различия в порядке слов, объясняемые «требованиями», предъявляемыми к «размещению» энклитик (например, препозитивное по отношению к глагольной форме употребление **сѧ**).

Препозитивное по отношению к глагольной форме употребление **сѧ**

<169> Ульга же р'ѣ имъ: «Гѣ оуже сѧ есте покорилѣ мнѣ и моему дѣтѣти <...>» (6454 / 946).

<170> Г'ѣославъ же приа дары и поч'а дѹматѣ сѣ дѹжиною своєю, река сице: «<...> (1.1) По створи^м миръ сѣ ц'рмъ, (1.2) сѣ бо ны сѧ по дань галъ <...>» (6479 / 971).

<171> И р'ѣ Г'ѣославъ: «(1.1) Потѣгнемъ, (1.2) оуже намъ нѣльзѣ // камо сѧ дѣти» (6479 / 971).

<172> И р'ѣ Редѣда къ Мьстиславу: «(3.1) Не оуружемъ сѧ въевѣ, (3.2) но борьбою» (6530 / 1022).

<173> И рѣша ему мѹжѣ смыслѣни: «<...> Послѣдѣ сѧ смирита <...>» (6601 / 1093).

Обнаруживаются отличия и в описании речи персонажей в рамочных конструкциях диалогических фрагментов летописи и современных текстов: главным из них является использование в летописи финитно-причастной конструкции, маркирующей начало прямой речи.

17. **Стратифицируемость.** Ряд признаков, характеризующих отдельные диалогические фрагменты (использование частицы **то** в речи кн. Владимира и кн. Владимира Мономаха, а также в диалогах с волхвами; особенности использования частицы **не** — инициальная стратегия ее размещения — в рассказах о варягах-христианах и крещении Руси; дистрибуция форм, вводящих прямую речь — *использование vs. неиспользование* финитно-

причастной конструкции), может учитываться при текстологической стратификации летописи.

18. Системно-структурная устойчивость. В значительно большей степени, чем оригинальность речи летописных персонажей, проявляется свойство, которое объединяет древнюю и современную русскую диалогическую речь, – системно-структурная устойчивость: как оказалось, многие характеристики современной диалогической речи, типологически существенные с точки зрения ее соотношения с современными иноязычными «дискурсами», свойственны изображаемой в ПВЛ диалогической речи, в связи с чем современную диалогическую речь можно оценить как традиционную.

Целый ряд «общих» признаков связан с **эгоцентричностью** диалогической речи: а) частотность использования и функционирование глагольных форм свидетельствуют о том, что «точкой отсчета» для говорящего является момент речи (это связано с тем, что летописный говорящий решает актуальные в момент говорения задачи), б) использование нулевых знаков связано с субъектной сферой говорящего (в летописной прямой речи лексически маркировано не «свое», а «чужое», в том числе время и пространство), в) особенности использования летописных грамматических и лексических дейктиков, выражающих субъектные, временные и пространственные значения, за редким исключением тождественно современному. Также отметим, что употребление дейктиков позволяет летописному говорящему выразить оценочные смыслы, связанные с концептом «свой» vs. «чужой», что свойственно и современной коммуникации.

Выделяется группа «общих» признаков летописной и современной диалогической речи, которые связаны со следованием закону **экономии речевых усилий**: практически все перечисленные ранее особенности летописного высказывания (эллипсис, полифункциональность, семантика косвенных речевых актов и т.д.) свойственны и современной речи. При этом обращает на себя внимание то, что общим является не только набор «речевых техник», экономящих усилия коммуникантов, но и их реализация: так, семантические типы древних и современных косвенных речевых актов, иллокутивно полифункциональных высказываний совпадают; эллипсис затрагивает те части летописного и современного высказывания, которые наименее коммуникативно актуальны (в частности, чаще всего редуцируется тема реактивного высказывания).

Связь эллипсиса с решением коммуникативных задач отражает еще одно общее свойство летописного и современного высказывания: отсутствие параллелизма информационной, синтаксической и коммуникативной структур. Именно это свойство, в частности, объясняет возможность использования в качестве высказываний конструкций, основу которых составляют свободные синтаксические формы – необязательные с точки

зрения их «роли» в оформлении компонентов пропозитивной структуры, но актуальные с точки зрения коммуникативной (см. (2), (3) в <1>).

Выделение еще одной группы «общих» признаков связано с особенностями **организации коммуникативной структуры** – как диалога в целом, так и составляющих его сегментных единиц. Как в летописном, так и в современном диалоге реплики коммуникантов связаны отношениями иллокутивного вынуждения; сообразно преследуемым коммуникантами целям выделяются типы диалогов – информативный, прескриптивный, экспликативный и фатический; при этом оказывается возможным совмещение разных типов диалога в одном коммуникативном событии. Летописные и современные высказывания имеют сходную структуру: в них выделяются коммуникативные составляющие, обладающие различной коммуникативной актуальностью (тема и рема), внутри составляющих обнаруживаются коммуникативно выделяемые компоненты (при этом часто встречаются высказывания коммуникативно «элементарные» – состоящие из однословной ремы). К «общим» средствам актуального членения летописного и современного высказывания относятся порядок слов (порядок слов а) вариативен, б) определяется необходимостью создать коммуникативную структуру определенного типа), некоторые сегментные маркеры, лексические и грамматические показатели и средства введения темы. Важнейшим «общим» свойством летописного и современного высказывания является коммуникативная выделенность его начальной части.

Таким образом, исследование непереводаемых диалогических фрагментов «Повести временных лет» с использованием методов современной лингвистики позволило **установить способы передачи речи персонажей в древнерусском письменном тексте, определить представление летописца об устной коммуникации и выявить структурные особенности изображаемой в «Повести временных лет» речи персонажей.**

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3

Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова

1. Савельев В.С. Оценочное использование существительных в речи персонажей «Повести временных лет» // *Филология и человек*. – 2006. – № 1. – С. 100–113. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,154 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15118251>).
2. Савельев В.С. О способах оформления прямой речи в древнерусском тексте (на материале «Повести временных лет») // *Мир русского слова*. – 2008. – № 4. – С. 14–21. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,369 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11707099>).
3. Савельев В.С. Дейктические слова в прямой речи персонажей «Повести временных лет» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2008. – № 4. – С. 125–131. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11660421>).
4. Савельев В.С. Умение слушать как необходимая черта языковой личности в восприятии автора «Повести временных лет» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2009. – № 2. – С. 124–134. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12963552>).
5. Савельев В.С. О современных методах исследования древнерусского текста (на материале «Повести временных лет») // *Филология и человек*. – 2009. – № 1. – С. 30–46. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,154 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15620676>).
6. Савельев В.С. Авторские принципы организации прямой речи персонажей «Повести временных лет» // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2009. – № 1. – С. 114–120. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12501259>).
7. Савельев В.С. Речевое поведение князей «Повести временных лет» в сходных ситуациях // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2010. – № 2. – С. 9–24. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=14931238>).
8. Савельев В.С. Древнерусские «общие места» (на примере «Повести временных лет» и древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия) // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2015. – № 4. – С. 87–103. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26130983>).
9. Савельев В.С. Функции глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет» // *Филология и человек*. – 2016. – № 2. – С. 127–142. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,154 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26417012>).
10. Савельев В.С. Древнерусские комплексные речевые ходы. Отношения иллокутивного равенства (на материале «Повести временных лет») // *Мир русского слова*. –

2016. – № 3. – С. 4–10. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,369 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27345940>).

11. Савельев В.С. Древнерусские комплексные речевые ходы. Отношения иллокутивного неравенства (на материале «Повести временных лет») // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. – 2016. – Т. 75, № 6. – С. 36–47. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,326 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27486847>).

12. Савельев В.С. Древнерусские комплексные речевые ходы с дополнительными и общими иллокутивными функциями (на материале «Повести временных лет») // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 7–15. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,178 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28147281>).

13. Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения о бывшем, настоящем и будущем (на материале «Повести временных лет») // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2016. – № 2. – С. 79–105. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27204538>).

14. Савельев В.С. Древнерусские иллокутивно полифункциональные высказывания: сообщения с субъективно-модальным содержанием (на материале «Повести временных лет») // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2016. – № 4. – С. 1–35. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29729572>).

15. Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 1) // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. – 2017. – Т. 76, № 6. – С. 16–24. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,326 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30673052>).

16. Савельев В.С. Indirect speech acts in the speech of the characters of the Tale of Bygone Years // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. – 2017. – Vol. 6, no. 1. – P. 236–255. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,358 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35306717>).

17. Савельев В.С. Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1) // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2018. – № 1. – С. 43–73. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32833936>).

18. Савельев В.С. Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 2) // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2018. – № 2. – С. 35–60. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,169 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34857804>).

19. Савельев В.С. Молитва в «Повести временных лет» (статья 2) // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. – 2018. – Т. 77, № 1. – С. 18–28. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,326 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32388330>).

20. Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 1) // *Филология и человек*. – 2018. – № 2. – С. 127–144. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,154 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35042950>).

21. Савельев В.С. Летописный женский речевой портрет (на материале «Повести временных лет») (статья 2) // *Филология и человек*. – 2018. – № 3. – С. 50–58. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,154 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35451320>).

22. Савельев В.С. О порядке слов в древнерусском высказывании (на материале «Повести временных лет») // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. – 2019. – Т. 78, № 5. – С. 37–43. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,326 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41442470>).

Статьи, опубликованные в других изданиях

1. Савельев В.С. Особенности прямой речи персонажей «Повести временных лет» // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. – 2008. – № 5. – С. 53–59.

2. Савельев В.С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // *Герменевтика древнерусской литературы*. – Т. 14. – Рукописные памятники Древней Руси Москва, 2010. – С. 484–516.

3. Савельев В.С. Об изучении «Повести временных лет» до А.А. Шахматова // *Филология: вечная и молодая: Сборник статей к юбилею профессора М.Л. Ремневой / Под ред. М.Ю. Сидоровой и Л.А. Дунаевой*. – Издательство Московского университета (Москва), 2012. – С. 318–347.

4. Савельев В.С. Количественное восприятие пространства: пролегомены к изучению количественных показателей в «Повести временных лет» // *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике*. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 87–106.

5. Савельев В.С. Адъективные показатели количества: категории пустоты и наполненности (на материале прямой речи в «Повести временных лет») // *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике*. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 132–159.

6. Савельев В.С. Адъективные показатели количества: дискретные множества (на материале прямой речи в «Повести временных лет») // *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике*. – 2014. – Т. 1, № 3. – С. 144–171.

7. Савельев В.С. «Повесть временных лет». Источники и соотносимые тексты (Статья 1) // *Stephanos*. – 2014. – № 1 (3). – С. 73–156. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,087 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23899576>).

8. Савельев В.С. «Повесть временных лет». Источники и соотносимые тексты (Статья 2) // *Stephanos*. – 2014. – № 2 (4). – С. 112–174. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,087 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23899677>).

9. Савельев В.С. Структура коммуникативного события в «Повести временных лет» // *Россия XXI*. – 2014. – № 6. – С. 100–101. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,125 (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22658605>).

10. Савельев В.С. Адъективные показатели количества: дискретные множества во времени, пространственные ориентиры, аксиологический аспект (на материале прямой речи в «Повести временных лет») // *Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике*. – 2015. – Т. 2, № 1. – С. 71–93.